Десять тысяч дверей

Автор:
Аликс Е. Харроу

Десять тысяч дверей

Аликс Е. Харроу

В начале двадцатого века одна юная особа, отыскав загадочную книгу, отправляется в фантастическое путешествие, чтобы узнать тайну своего прошлого…

Будучи подопечной богатого мистера Локка, Январри Сколлер чувствует, что не слишком отличается от других артефактов, украшающих коридоры его особняка: ее заботливо содержат, по большей части не замечают, и она совсем здесь не к месту.

Однажды Январри обнаруживает странную книгу, в которой рассказывается о загадочных дверях, ведущих в другие миры… Каждая страница открывает ей невероятную историю, тесно связанную с ее собственной судьбой…

Аликс Э. Харроу

Десять тысяч дверей

Нику, моему товарищу и компасу

ALIX E. HARROW

THE TEN THOUSAND DOORS OF JANUARY

Copyright © 2019 by Alix E. Harrow

Cover design by Lisa Marie Pompilio

Cover illustrations by Shutterstock

Cover copyright © 2019 by Hachette Book Group, Inc.

© В. Анисимова, перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

1

Синяя дверь

Когда мне было семь лет, я нашла дверь. Полагаю, нужно написать это слово с заглавной буквы, чтобы стало ясно – это не какая-нибудь садовая калитка или обычная дверь, ведущая – совершенно точно – в кухню, отделанную белой плиткой, или из спальни в гардеробную.

Когда мне было семь лет, я нашла Дверь. Ну вот, теперь это слово смотрится гордо и важно. Сама буква «Д» похожа на дверной проем, ведущий в белую пустоту страницы. Может быть, увидев это слово, читатель почувствует, как по его шее пробегают мурашки, будто ему встретилось что-то давно знакомое. Дорогой читатель, ты ничего обо мне не знаешь; не видишь, как я пишу эти строки за столом из желтого дерева, а соленый ветерок листает страницы, словно ищет оставленную в книге закладку. Ты не видишь шрамы, исчертившие

мою кожу. Ты даже не знаешь моего имени. (Меня зовут Январри Сколлер. Ну вот, теперь тебе известно кое-что обо мне – я сама испортила собственный аргумент.)

Но ты знаешь, что означает слово Дверь. Может, ты даже сам встречал такую – слегка приоткрытую трухлявую дверцу в старой церкви или блестящую новенькую дверь в кирпичной стене. Если ты принадлежишь к тем мечтателям, которых все время влечет в какие-нибудь неожиданные места, то тебе, возможно, доводилось пройти через такую дверь и очутиться в поистине неожиданном месте.

Или, может, ты ни разу в жизни не видел никаких Дверей. Их теперь осталось не так уж много.

Но ты все равно знаешь об их существовании, верно? Потому что на свете найдется десять тысяч историй про десять тысяч Дверей и все они известны нам не хуже, чем наши собственные имена. Они ведут в Страну эльфов и в Вальхаллу, в Атлантиду и в Лемурию, в Рай и в Ад – в общем, туда, куда не найти дороги по компасу, – в иные места. Мой отец, настоящий ученый – в отличие от меня, девушки с пером в руках, которая просто хочет изложить свои мысли, – объясняет все это намного лучше: «Если представить, что истории похожи на места археологических раскопок, и тщательно изучить их, снимая слой за слоем, то на каком-нибудь уровне непременно обнаружится дверь – граница между “здесь” и “там”, “мы” и “они”, между повседневным и волшебным. Когда открываются эти двери, когда объекты проникают из одного мира в другой – именно тогда рождаются истории».

Он никогда не писал слово «дверь» с заглавной буквы. Но, наверное, у ученых не принято позволять себе такие вольности просто для красоты.

Стояло лето тысяча девятьсот первого года – хотя на тот момент этот набор цифр ничего для меня не значил. Оглядываясь назад, я вижу преисполненный собственной важности год, покрытый золотом надежд нового века. Словно старую шкуру, он сбросил всю суету и беспорядочность предыдущего столетия – войны, революции и неустроенность, трудности, которые преодолевали растущие империи, – и теперь повсюду, куда ни посмотри, царили мир и процветание. Мистер Дж. П. Морган недавно стал богатейшим человеком в мировой истории; королева Виктория наконец почила вечным сном, оставив огромную империю своему царственному отпрыску; Боксерское восстание в

Китае было успешно подавлено, а Кубу взяла под крыло цивилизованная Америка. Разум и рациональность правили бал, на котором не осталось места для волшебства и загадок.

Как оказалось, не нашлось на нем места и для маленьких девочек, порой забредающих за край карты и рассказывающих правду о безумных и невероятных вещах, что существуют по ту сторону.

Я нашла ее в глухом уголке на западной окраине Кентукки, как раз в том месте, где очертания этого штата словно окунают пальчик в воды Миссисипи. В таком месте не ожидаешь найти ничего загадочного или хоть сколько-нибудь интересного: это блеклый, неухоженный край, населенный столь же блеклыми и неухоженными людьми. Даже в конце августа солнце здесь печет вдвое сильнее и светит втрое ярче, чем во всей остальной стране. Воздух кажется влажным и липким, как мыльная пена, которая остается на коже, когда моешься в ванне последним и воду уже сложно назвать чистой.

Но Двери, точно подозреваемые в дешевых детективах, часто обнаруживаются в самых неожиданных местах.

Я оказалась в Кентукки только потому, что мистер Локк взял меня с собой в деловую поездку. Он сказал, мол, для меня это будет «настоящим подарком» и «шансом узнать, как все устроено», но на самом деле причина заключалась в другом: моя нянька находилась на грани нервного срыва и за прошедший месяц уже четыре раза грозилась уволиться. В то время я была трудным ребенком.

Или, может, мистер Локк просто хотел поднять мне настроение. На прошлой неделе пришла открытка от моего отца. На ней изображалась смуглая девочка с остроконечным головным убором из золота на голове и недовольным выражением на лице. Надпись сбоку гласила: «НАЦИОНАЛЬНЫЙ БИРМАНСКИЙ КОСТЮМ». На обороте обнаружились три аккуратные строчки, выведенные коричневыми чернилами: «Задерживаюсь, вернусь в октябре. Думаю о тебе. Дж. С.». Мистер Локк прочитал послание поверх моей головы и неловко похлопал меня по плечу – мол, не вешай нос.

Неделю спустя я уже тряслась в спальном вагоне, отделанном бархатом и деревом и похожем на гроб, читая «Братьев Роверов в джунглях», пока мистер Локк просматривал деловую рубрику газеты «Таймс», а мистер Стерлинг сидел,

уставившись в пространство пустым взглядом образцового камердинера.

Пожалуй, я должна отдельно представить мистера Локка. Ему было бы неприятно вот так незаметно, бочком, проскользнуть в эту историю. Итак, знакомься: мистер Уильям Корнелиус Локк, без малого миллиардер, сколотивший огромное состояние своими силами, глава фирмы «У. К. Локк и Ко», владелец целых трех величественных особняков на восточном побережье США, ярый сторонник Порядка и Благопристойности (эти слова он непременно потребовал бы написать с заглавной буквы – взять хотя бы эту букву «Б», похожую на даму, которая уперла руку в бок) и председатель Археологического общества Новой Англии – это что-то вроде клуба для богатых и влиятельных людей, по совместительству коллекционеров-любителей. Я называю их любителями, поскольку в кругу обеспеченных людей принято говорить о своих увлечениях пренебрежительным тоном, отмахиваясь от них легким движением руки, – как будто признать, что они всерьез занимаются чем-то кроме преумножения своих капиталов, для них означает оставить несмываемое пятно на собственной репутации.

По правде говоря, я иногда подозревала, что мистер Локк только затем и преумножал капиталы, лишь бы иметь средства на удовлетворение своей страсти к коллекционированию. Его особняк в Вермонте – тот, в котором он действительно жил, в отличие от других двух сооружений, пустовавших и построенных для демонстрации значимости владельца, – представлял собой огромный частный музей, настолько плотно набитый артефактами, что, казалось, сами стены состоят из них, а не из камня и цемента. Экспонаты хранились безо всякой системы: статуи широкобедрых женщин, высеченные из известняка, соседствовали с индонезийскими резными ширмами, похожими на кружево, а обсидиановые наконечники стрел лежали в одной витрине с засушенной рукой воина из племени эдо. (Я ненавидела эту руку, но всякий раз не могла отвести от нее взгляда, представляя, как она могла выглядеть, когда была живой и мускулистой, и что подумал бы ее владелец, если бы ему сказали, мол, когда-нибудь одна маленькая девочка в Америке будет смотреть на его высохшую длань, даже не зная его имени).

Мой отец занимался полевыми исследованиями по заказу мистера Локка. Его наняли, когда я была еще маленьким, размером с баклажан, ребенком, закутанным в старый дорожный плащ.

– Твоя мать только-только умерла – так печально, – любил повторять мистер Локк. – И вот твой отец – ты только представь, одетый как чучело, с кожей странного цвета, с татуировками на руках – остался в какой-то глуши с младенцем на руках. Я сказал себе: «Корнелиус, этому человеку нужно помочь!»

Отец поступил к нему на службу в тот же день и отправился бродить по миру в поисках предметов «особой ценности», которые он отсылал мистеру Локку, а тот раскладывал по витринам с латунными табличками и кричал на меня, когда я трогала экспонаты или ухитрялась стащить ацтекские монеты, желая разыграть с их помощью сцену из «Острова сокровищ». Ну а я жила в маленькой серой комнатке, изводила нянек, нанятых мистером Локком, чтобы те воспитывали меня, и ждала возвращения отца.

В семь лет я гораздо больше времени проводила с мистером Локком, чем с папой, и даже любила его, насколько возможно любить человека, который, казалось, родился в костюме-тройке.

По своему обыкновению мистер Локк снял для нас номер в лучшем отеле. В штате Кентукки таковым оказалась огромная деревянная гостиница, раскинувшаяся на берегу Миссисипи. Это здание построили люди, которые явно хотели открыть гранд-отель, но ни разу в жизни его не видели. На стенах были яркие обои в полоску, повсюду висели электрические люстры, но из-под половиц доносился неприятный рыбный душок.

Мистер Локк отмахнулся от управляющего, как от мухи, бросил что-то вроде: «Присмотрите за девочкой, будьте добры», – и прошагал в вестибюль. Мистер Стерлинг неотвязно следовал за ним, как собака в человеческом обличье. Локк поприветствовал господина с бабочкой на шее, который дожидался его, сидя на диване с цветастой обивкой:

– Губернатор Докери, как я рад вас видеть! Я, поверьте, с живейшим интересом прочитал ваше недавнее послание… Как ваша коллекция черепов? Пополняется?

Так вот зачем мы сюда приехали! Мистер Локк решил встретиться с одним из своих приятелей из Археологического общества, чтобы весь вечер выпивать, курить сигары и хвастаться новыми приобретениями. Каждое лето в особняке Локка проводилось ежегодное собрание всего общества – роскошная вечеринка, после которой члены общества удалялись на скучное закрытое совещание, куда

ни меня, ни даже моего отца не допускали. Но истинные энтузиасты, будучи не в силах ждать целый год, искали встреч друг с другом, как только подворачивалась возможность.

Управляющий взглянул на меня и выдавил испуганную улыбку, выдающую в нем человека без детей. Я во весь рот улыбнулась ему в ответ.

– Пойду погуляю, – уверенным тоном заявила я.

Управляющий заулыбался еще отчаяннее, моргая в нерешительности. Я всегда вызываю у незнакомцев замешательство: моя кожа странного красновато-медного оттенка, будто покрытая слоем кедровых опилок, но глаза округлые и светлые, а одежда дорогая. Кто же я? Избалованная хозяйская любимица? Прислуга? Что делать несчастному управляющему? Предложить мне чаю или отправить меня на кухню к горничным? Я относилась к разряду людей, которых мистер Локк называл «пограничными явлениями».

Я опрокинула высокую вазу, неискренне ахнула: «О боже!» – и ускользнула, пока управляющий ругался и вытирал воду собственным пиджаком. Я выбежала за дверь… (Ну вот, это слово проникает в описания даже самых обыденных ситуаций. Иногда мне кажется, что двери прячутся в складках каждого предложения. Глаголы служат им петлями, а каждая точка – это ручка двери).

Здешние улицы представляли собой высушенные солнцем полосы грунтовых дорог, которые, пересекаясь между собой, вели к грязной реке. Однако жители городка Нинли прохаживались по ним с таким видом, будто это и впрямь были настоящие улицы. Когда я проходила мимо, все эти люди смотрели на меня и что-то бормотали.

Скучающий портовый грузчик толкнул локтем своего приятеля и указал на меня пальцем:

– Ты глянь, девчонка из племени чикасо.

Второй покачал головой и предположил, опираясь, видимо, на свой богатый опыт общения с индейскими девочками:

– Скорее из западных племен. Или полукровка.

Я прошла мимо. Окружающие вечно строили такие догадки, пытаясь отнести меня к тому или иному племени, но мистер Локк уверял, что все они одинаково ошибаются. Он называл меня «совершенно уникальным экземпляром». Однажды, услышав замечание одной из горничных в мой адрес, я спросила у него, считаюсь ли я цветной. Тот фыркнул:

– Твоя кожа необычного цвета, но цветной тебя не назовешь.

Я толком не понимала, как именно можно определить, цветной ты или нет, но, услышав тон, которым мистер Локк произнес это слово, порадовалась, что таковой не являюсь.

Когда со мной был отец, на нас обращали еще больше внимания. Его кожа темнее моей, красно-коричневая, блестящая, а глаза совсем черные, и даже на белках виднеются бурые прожилки. Добавьте ко всему этому татуировки – чернильные спирали, вьющиеся от запястий вверх по руке, – потрепанный костюм, очки, странный акцент и… Короче говоря, на нас откровенно пялились.

И все же я жалела, что его со мной нет.

Я так сосредоточенно шагала вперед, изо всех сил стараясь не смотреть на все эти белые лица, что в итоге столкнулась с кем-то.

– Простите, мэм, я…

Сгорбленная морщинистая старушка, похожая на высохший грецкий орех, бросила на меня разгневанный взгляд – отработанный за долгие годы и всегда направляемый исключительно на детей, которые бегают слишком быстро, рискуя сбить бабушек с ног.

– Простите, – повторила я.

Она не ответила, но что-то в ее глазах поменялось, как будто где-то в глубине разверзлась пропасть. Ее рот приоткрылся, а веки резко распахнулись, будто ставни.

– Кто… Ты кто, черт возьми, такая? – прошипела она.

Людям, похоже, не нравились пограничные явления.

Мне следовало поскорее вернуться в пропахший рыбой отель и спрятаться в тени мистера Локка и его капиталов, где меня не могли достать все эти гадкие люди. Это было бы разумнее всего. Но, как часто сетовал мистер Локк, я временами вела себя неразумно, своевольно и опрометчиво (я не знала смысла последнего слова, но, судя по остальным, это было что-то нелестное).

Поэтому я сбежала.

Я бежала так долго, что мои тощие ноги начали дрожать, а грудь – тяжело вздыматься под тканью дорогого платья. Я бежала, пока улица не превратилась в извилистую дорожку, а дома не скрылись под зарослями глицинии и жимолости. Я бежала, стараясь не вспоминать взгляд старухи и не думать о том, как здорово мне достанется за этот побег.

Остановившись лишь тогда, когда ровная земля под ногами сменилась травой, я обнаружила себя на пустом заросшем поле под синим небом, таким ярким, что невольно вспоминались изразцы, привезенные отцом из Персии. Взгляд так и тонул в этой глубокой синеве. Под куполом неба покачивались высокие высохшие травы. Кое-где тянулись ввысь стройные кедры.

Вся эта сцена – сочный аромат сухого дерева, трава, которая покачивалась на фоне неба, словно крадущаяся рыже-синяя тигрица, – вызывала у меня желание затаиться среди высохших стеблей, подобно олененку в ожидании мамы. Я побрела в глубь травяного моря, проводя ладонью по курчавым верхушкам колосков.

Я могла бы и вовсе не заметить Дверь. С Дверьми так всегда – они стоят в тени и остаются неприметными, пока не посмотришь под правильным углом.

Эта представляла собой старую деревянную раму, напоминающую основание карточного домика. Вокруг рассыпающихся петель и гвоздей виднелись пятна ржавчины, а от самой двери осталось всего несколько дощечек. Краска – ярко-синяя, как небо, – еще не успела окончательно облупиться.

Так вот, в то время я еще ничего не знала о Дверях и не поверила бы в них, даже если бы мне вручили трехтомное издание свидетельств очевидцев с подробным комментарием. Но, когда я увидела эту облезлую синюю дверь, одиноко стоящую в поле, мне очень захотелось, чтобы она вела куда-нибудь еще. Подальше от городка Нинли, штат Кентукки, в какое-нибудь новое, неведомое место, такое огромное, что его невозможно обойти.

Я прижала ладонь к синей краске. Петли заскрипели, прямо как в домах с привидениями из грошовых страшилок и приключенческих историй, которыми я зачитывалась. Сердце громко застучало у меня в груди. В дальнем уголке души замерла в ожидании наивная надежда на чудо.

Разумеется, по ту сторону двери ничего не было, только кобальтово-коричный пейзаж родного мира: небо и поле. И от этого вида – сама не знаю почему – мне стало больно. Я уселась на землю в своем красивом льняном платьице и заплакала от горького чувства потери. Чего я ожидала? Что найду волшебный портал, как дети из моих любимых сказок?

Если бы со мной сейчас оказался Сэмюэль, мы могли бы придумать что-нибудь и поиграть. Сэмюэль Заппиа был моим единственным невыдуманным другом: темноглазый мальчик, пристрастившийся к газетам с низкосортными приключенческими рассказами. Его лицо сохраняло мечтательное выражение, как у моряка, что смотрит на горизонт. Два раза в неделю он приезжал в особняк Локка на красной повозке, на которой золотистыми витиеватыми буквами было написано: «ПРОДУКТОВАЯ ЛАВКА ЗАППИА, ИНК.». Сэмюэлю обычно удавалось пронести для меня еженедельник «Сокровищница историй» или выпуск «Грошовых чудес», спрятав газеты среди запасов муки и лука. По выходным он сбегал из лавки, и мы вместе шли на озеро разыгрывать какие-нибудь сюжеты про привидения и драконов. Sognatore[1 - Мечтатель (итал.).] – так называла его мать. По словам Сэмюэля, в переводе с итальянского это означало «бестолковый мальчишка, который разбивает матери сердце, вечно витая в облаках».

Но в тот день в поле Сэмюэля со мной не было. Поэтому я достала карманный дневник и написала историю.

В мои семь лет этот дневник являл собой самую ценную вещь из всех, что мне принадлежали, хотя считался ли он моим с точки зрения закона – вопрос дискуссионный. Я его не покупала и не получала в подарок. Я просто нашла его. Еще до своего седьмого дня рождения я играла в Зале фараонов, открывая и

закрывая древние сосуды и примеряя украшения, и случайно заглянула в красивый синий ящичек («Сундук со сводчатой крышкой, украшенный слоновой костью, черным деревом и синим фаянсом, Египет; часть парного комплекта»). И на дне его и обнаружила этот дневник: обложка из кожи цвета жженого масла и сливочно-белые страницы, чистые и манящие, как свежевыпавший снег.

Я подумала, что, вероятно, книжечку оставил для меня мистер Локк, который не хотел разрушать свой строгий образ, вручая такой подарок лично. Поэтому я без малейших сомнений забрала дневник себе и писала в нем всякий раз, когда чувствовала себя одинокой или потерянной, когда отца не было рядом, мистер Локк занимался своими делами, а нянька обижала меня. В общем, довольно часто.

Обычно я сочиняла рассказы вроде тех, что читала в принесенных Сэмюэлем выпусках «Сокровищницы историй»: про храбрых светловолосых мальчишек, которых звали Джеками, Диками или Бадди. Я очень много времени тратила, сочиняя леденящие кровь заглавия и выводя их особенно витиеватыми буквами («Тайна ключа мертвеца», «Общество золотого кинжала», «Летающая сиротка»), а вот о сюжете не беспокоилась вовсе. Но в этот день, сидя в пустом поле возле Двери, не ведущей никуда, я захотела написать другую историю. Настоящую историю, в которую можно попасть самой, если очень сильно верить.

«Жила-была храбрая и опрометчевая (так же пишется, верно?) девочка. Однажды она нашла Дверь. Это была волшебная Дверь, поэтому пишется с заглавной буквы. Она открыла Дверь».

И на мгновение – на одну долгую-долгую секунду, начавшуюся с изгиба буквы «О» и закончившуюся вензелем вокруг точки, – я поверила в это. Не так, как дети верят в Санту или фей, в глубине души понимая, что все это игра. Вера пронизала меня до костей. Так верят в дождь и силу притяжения.

И что-то в мире сдвинулось с места. Я знаю, это чертовски паршивое описание – уж простите мне это выражение, недостойное юной леди, – но иначе сказать не получается. Словно произошло землетрясение, которое не потревожило ни единой травинки; солнечное затмение, которое не отбросило ни малейшей тени; огромное, но невидимое глазу изменение. Внезапно поднявшийся ветерок коснулся страниц дневника и принес с собой запах соли и горячих камней и еще множество далеких запахов, которым не место было на заросшем поле на берегу Миссисипи.

Я спрятала дневник в карман юбки и встала. Ноги дрожали от усталости, как тоненькие березки на ветру, но меня это не слишком волновало. Дверь, казалось, шептала что-то на нежном трескучем языке древесной трухи и старой краски. Я снова протянула руку, помедлила, а потом…

Открыла Дверь и вошла в нее, шагнув в никуда. Гулкое эхо пограничного пространства ударило в уши, и мне показалось, будто я резко опустилась на дно огромного озера. Моя протянутая рука исчезла в пустоте, движение ноги все не заканчивалось.

Теперь я называю это пограничное место порогом (точнее, Порогом – эта заглавная «П» словно очерчивает пустоту между двумя пространствами). Порог – опасное место, ты не здесь и не там, и перейти его – это как шагнуть с обрыва с наивной верой, что на полпути к земле у тебя отрастут крылья. Нельзя медлить, нельзя сомневаться. Нельзя бояться пограничья.

Моя нога встала на твердую землю по ту сторону двери. Кедровый аромат и солнечное тепло сменились металлическим привкусом во рту. Я открыла глаза.

Это был мир из соленой воды и камня. Я стояла на высоком утесе, вокруг которого простиралось бескрайнее море. Далеко внизу, у изогнутого берега острова, словно камешек в горсти, лежал город.

По крайней мере, я решила, что это он. В нем не было того, что обычно свойственно городам: ни трамваев, которые со звоном ползут по улицам, ни завесы угольного дыма в небе. Вместо этого я увидела покрытые побелкой каменные здания – их ряды складывались в замысловатые изгибы, а открытые окна напоминали темные глаза. Над городом возвышалось несколько башен, и вдоль берега, напоминая рощицу, тянулись ввысь мачты кораблей.

Я снова заплакала. Без театрального надрыва, без истерики – просто заплакала, как будто увидела что-то желанное и совершенно недоступное. Так иногда плакал мой отец, когда думал, что я этого не вижу.

– Январри! Январри! – Мое имя донеслось до меня словно через скверный граммофон с расстояния нескольких миль, но я узнала голос мистера Локка, зовущий меня по ту сторону дверного проема. Я не знала, как он нашел меня, но

знала, что мне здорово достанется.

Не передать словами, как сильно мне не хотелось возвращаться. Как море пахло надеждой, а извилистые улицы казались загадочным шифром. Если бы меня звал не мистер Локк – человек, покупавший мне места в роскошных вагонах поездов и дорогие льняные платья; человек, похлопывающий меня по плечу, когда я расстраивалась из-за отца, и оставлявший мне дневники в подарок, – я бы, возможно, осталась.

Но нет, я повернулась к Двери. С этой стороны она выглядела иначе: полуразрушенная базальтовая арка, изъеденная дождем и ветром, без единой деревянной дощечки, которая бы символизировала дверь. Вместо нее проем был задернут серой тряпичной занавесью. Я отодвинула ее.

Уже готовясь шагнуть в проход, я заметила у себя под ногами серебряный блеск. Там лежала, наполовину зарывшись в землю, круглая монета, а на ней были выбиты слова на незнакомом языке и профиль женщины в короне. Монета оказалась теплой на ощупь. Я спрятала ее в карман платья.

На этот раз, когда я шагнула через Порог, мне показалось, будто на мгновение меня укрыла тень птичьего крыла, а потом вновь окутал сухой аромат нагретой солнцем травы.

– Янва… Ах вот ты где. – Слегка запыхавшийся мистер Локк стоял передо мной в рубашке и жилете. Его усы топорщились, как хвост недовольной кошки. – Куда ты пропала? Я звал тебя, чуть голос не сорвал, пришлось прервать встречу с Александром… а это что такое? – Он уставился на облезлую синюю Дверь, удивленно приоткрыв рот.

– Ничего, сэр.

Локк резко перевел пронизывающий взгляд с Двери на меня.

– Январри. Расскажи, чем ты занималась.

Нужно было соврать. Это уберегло бы меня от боли. Но пойми, дорогой читатель, когда мистер Локк обращает на тебя строгий взгляд бледных глаз, в итоге ты

обычно поступаешь так, как требует он. Полагаю, именно поэтому фирма «У. К. Локк и Ко» стала такой успешной.

Я сглотнула.

– Я… я просто играла и прошла через эту дверь, понимаете, а она ведет совсем в другое место. Там был белый город у моря. – Будь я старше, я бы добавила: «Там пахло солью, древностью и приключениями. Это был аромат иного мира, и я хочу сейчас же вернуться туда и пройтись по этим диковинным улицам». Но вместо этого я просто сказала: – Мне понравилось.

– Говори правду. – Его взгляд давил на меня.

– Это правда, клянусь!

Он уставился на меня долгим взглядом. Желваки заходили на его скулах.

– И откуда взялась эта дверь? Ты… Ты сама ее смастерила? Слепила из этого мусора? – Он махнул рукой в сторону, и только тогда я заметила поросшую травой кучу гнилого дерева за Дверью – руины старого дома.

– Нет, сэр. Я ее нашла. И написала про нее историю.

– Историю? – По его лицу я видела, что каждый неожиданный поворот этого разговора сбивает мистера Локка с толку, и это его раздражает. Он предпочитал управлять беседой, в которой участвовал.

Я нашарила в кармане дневник и отдала его Локку.

– Вот, смотрите. Я написала рассказ, и дверь ну как бы открылась. Это правда, я вам клянусь.

Его взгляд бегал по странице намного дольше, чем необходимо, чтобы прочитать историю из трех предложений. Потом он достал недокуренную сигару из кармана, поднес к ней спичку и раскурил – огонек на кончике стал похож на раскаленный оранжевый глаз дракона.

Мистер Локк вздохнул, как, бывало, вздыхал, когда ему приходилось сообщать плохие новости инвесторам, и закрыл мой дневник.

– Ну что за глупые выдумки, Январри. Сколько я уже бьюсь, пытаясь отучить тебя от этой чепухи?

Он погладил обложку дневника подушечкой большого пальца, а затем почти с сожалением бросил книжку в кучу древесины.

– Нет! Вы не можете…

– Мне жаль, Январри. Действительно жаль. – Локк встретился со мной взглядом и протянул было руку, но опустил ее на полпути. – Но я обязан это сделать ради твоего же блага. Буду ждать тебя к ужину.

Мне хотелось воспротивиться. Начать спорить, выхватить дневник из грязной кучи… Но я не могла.

Вместо этого я сбежала. Обратно через поле, по извилистым грунтовым дорогам в пропахший рыбой отель.

Вот и выходит, что в самом начале моей истории читатель видит тонконогую девчонку, которая за такое короткое время успела дважды обратиться в бегство. Не самое героическое вступление, верно? Но, когда ты «пограничное явление» и у тебя нет ни семьи, ни средств к существованию, а есть только пара ног и серебряная монетка, тебе ничего не остается, кроме как бежать.

К тому же если бы я не сбежала в первый раз, то никогда не нашла бы синюю Дверь. И не было бы никакой истории.

Опасаясь кары Господней и гнева мистера Локка, я весь вечер и следующий день сидела тихо. Меня караулили мистер Стерлинг и встревоженный управляющий, который обращался со мной как с редким, но опасным зверьком из зоопарка. Я немного развлеклась, изо всех сил молотя по клавишам рояля и наблюдая, как мой надсмотрщик вздрагивает от каждого звука, однако в итоге меня отвели в номер и велели ложиться спать.

Солнце не успело окончательно опуститься за горизонт, а я уже выпрыгнула из невысокого окна и помчалась по переулку. На дороге лежали густые тени, напоминавшие черные лужи. Когда я добралась до поля, в небе над Нинли уже мерцали звезды, подернутые пеленой угольного и табачного дыма, что поднимался над городом. Я побежала сквозь заросли травы, спотыкаясь и высматривая во мраке знакомый силуэт, напоминающий карточный домик.

Синей Двери не было.

Вместо нее я обнаружила неровный черный круг посреди травы. От моей Двери остались угли да пепел. Дневник лежал в куче золы, съежившийся и почерневший. Я не стала его забирать.

Когда я добрела до здешней унылой пародии на гранд-отель, небо стало черным, как деготь, а мои гольфы оказались в грязи. Мистер Локк сидел в вестибюле, окутанный облаком голубоватого дыма. Вокруг него были разложены учетные книги и газеты, а сам он потягивал вечерний виски из своей любимой нефритовой чаши.

– И где же ты пропадала на этот раз? Прошла сквозь свою дверь и очутилась на Марсе? Или, может, на Луне? – Но его голос звучал мягко. Видишь ли, дорогой читатель, мистер Локк всегда был ко мне добр. Даже в самые худшие моменты.

– Нет, – призналась я. – Но я уверена, на свете еще много таких Дверей. И я могу их найти и написать про них, и они все откроются. И мне все равно, что вы мне не верите. – Почему я вовремя не прикусила свой глупый язычок? Почему не покачала головой и не попросила прощения дрожащим голосом? Почему не ушла поскорее в номер, пряча в душе воспоминание о синей Двери, точно талисман в кармане? Потому что в семь лет я была упряма и еще не знала цены настоящим историям.

– Вот как, – произнес мистер Локк и больше ничего не добавил, а я отправилась к себе в комнату, полагая, будто благополучно избежала более строгого наказания.

Только через неделю, вернувшись в Вермонт, я поняла, как ошибалась.

Особняк Локка представлял собой огромный замок из красного камня на берегу озера Шамплейн. Над крышей дома возвышался лес из печных труб и башен с медной кровлей. Коридоры особняка были отделаны деревянными панелями и напоминали лабиринт, набитый странностями, редкостями и ценностями. Обозреватель из «Бостонского вестника» однажды назвал это здание «архитектурной причудой, больше напоминающей декорации к „Айвенго“, чем жилище современного человека». По слухам, особняк построили по заказу некоего сумасшедшего шотландца в девяностые годы восемнадцатого века. Владелец прожил в нем неделю, а затем исчез – навсегда. Мистер Локк купил этот дом на аукционе в тысяча восемьсот восьмидесятых годах и начал заполнять его всеми чудесами света.

Нам с отцом отвели две комнатки на третьем этаже: для него – аккуратный квадратный кабинет с большим письменным столом и одним окном, а для меня с нянькой – серую, затхлую спальню с двумя узкими кроватями. Моим воспитанием в тот момент занималась мисс Вильда – немецкая иммигрантка, которая всегда ходила в тяжелых шерстяных платьях и с таким выражением лица, будто еще не успела толком увидеть двадцатый век, но уже от всей души осуждала его. Ей нравились церковные гимны и свежевыглаженное белье, сложенное в стопочку, а беспорядок, суету и дерзость она ненавидела. Мы не могли относиться друг к другу с приязнью – сама наша природа восставала против этого. Сразу после нашего возвращения у Вильды и мистера Локка состоялся короткий разговор в холле. Ее глаза тут же засверкали, как начищенные до блеска металлические пуговицы.

– Мистер Локк говорит, ты в последнее время ужасно перевозбужденная, моя голубка, даже на грани истерии. – Мисс Вильда часто называла меня голубкой, твердо веря в силу внушения.

– Нет, мэм.

– Ах, бедняжка. Но ничего, мы тебя живо приведем в чувство.

Для исцеления от перевозбуждения требовалась спокойная, четко организованная среда, свободная от раздражителей. Поэтому из моей комнаты вынесли все яркие и причудливые вещицы, которые были мне дороги. Шторы задернули, на полках не осталось ничего интереснее «Иллюстрированной Библии для детей». Мое любимое розовое с золотом одеяло – отец прислал его в прошлом году из Бангалора – заменили накрахмаленными белыми простынями.

Сэмюэлю запретили приходить в гости.

Ключ мисс Вильды с металлическим скрежетом провернулся в замке, и я осталась одна.

Сначала я представляла себя солдатом, попавшим в плен к красным мундирам или повстанцам и оттачивала выражение героического сопротивления на лице. Но на второй день я почувствовала, как, подобно беспощадным пальцам, тишина давит мне на барабанные перепонки. Ноги дрожали, до того им не терпелось сорваться с места и бежать, домчаться до поля с кипарисами и проскочить через сгоревшую синюю Дверь в иной мир.

На третий день комната стала тюрьмой, потом – клеткой, а затем – склепом. В глубине моей души, словно угорь в подводной пещере, извивался страх, что я навсегда останусь здесь, под замком, в ловушке, совсем одна.

Стержень внутри меня надломился. Я принялась рвать ногтями шторы, отламывать ручки от ящиков комода, колотить кулаками по запертой двери. Потом села на пол и плакала до тех пор, пока мисс Вильда не вернулась и не дала мне ложку какого-то сиропа. После него я на некоторое время провалилась в небытие. Мои мышцы превратились в медлительные маслянистые реки, а голова поплыла по их водам. Движение теней на поверхности ковра показалось мне захватывающей драмой, которая заполнила мои мысли вплоть до того момента, как я погрузилась в сон.

Проснувшись, я увидела возле своей кровати мистера Локка, который сидел и читал газету.

– Доброе утро, милая. Как ты себя чувствуешь?

Я сглотнула кислую слюну.

– Мне лучше, сэр.

– Я рад. – Он сложил газету с математической точностью. – А теперь послушай меня очень внимательно, Январри. У тебя есть большой потенциал – даже огромный! – но ты должна научиться хорошо себя вести. С этого дня никаких

больше глупых фантазий, никаких побегов и никаких дверей, которые ведут не туда, куда должны.

Он вгляделся в меня с таким выражением лица, что я невольно вспомнила старинные изображения Бога – строгого отца, чья любовь неизменно взвешивает и измеряет тебя, прежде чем признать достойным. Его глаза давили на меня, как тяжелые камни.

– Ты будешь хорошей девочкой, знающей свое место.

Мне отчаянно хотелось стать достойной любви мистера Локка.

– Буду, сэр, – прошептала я. И не солгала.

Мой отец вернулся только в ноябре – такой же помятый, как его багаж. Его приезд прошел по привычной схеме: экипаж, хрустя гравием, проехал по подъездной дорожке и застыл перед каменным величием особняка Локка. Хозяин дома вышел навстречу моему отцу, чтобы похлопать его по плечу, поздравляя с успешным окончанием экспедиции, а я ждала в холле с мисс Вильдой, одетая в джемпер, который был так накрахмален, что я чувствовала себя черепашкой в огромном панцире.

Дверь открылась, и я увидела его силуэт – такой темный и чужеродный в бледных лучах ноябрьского солнца. Отец остановился на пороге, потому что обычно в этот момент его чуть не сбивали с ног пятьдесят фунтов моего веса, взволнованно летящие ему навстречу.

Но я не пошевелилась. Впервые в жизни я не бросилась к нему. Плечи папиного силуэта понуро опустились.

Жестоко, не правда ли? Обиженный ребенок наказывает отца за его отсутствие. Но, уверяю тебя, читатель, я и сама в ту минуту пребывала в смятении. От одного только вида папы, стоящего в дверном проеме, меня переполнил головокружительный гнев. Может, из-за того, что от него пахло джунглями, пароходами и приключениями, темными пещерами и неведомыми чудесами, в то время как весь мой мир был таким удручающе заурядным. Или я просто злилась,

ведь меня заперли, а он не вернулся и не открыл дверь.

Отец сделал три неуверенных шага и опустился передо мной на корточки. Он выглядел старше, чем я его помнила. Щетина на подбородке из черной стала тускло-серебристой, как будто каждый день, который он проводил вдали от меня, считался за три. Но его глаза были по-прежнему подернуты знакомой завесой печали.

Он положил руку мне на плечо, открывая взгляду татуировки, которые вились вокруг его запястья, как черные змеи.

– Январри, что-то случилось?

Услышав свое имя из его уст, произнесенное с этим странным, но таким родным акцентом, я чуть не поддалась. Мне хотелось сказать ему правду – я обнаружила нечто огромное и невероятное, оно способно разорвать границы мира; я написала слова, и они оказались правдой, – но я уже выучила свой урок. Я теперь была хорошей девочкой.

– Все в порядке, сэр, – ответила я. Услышав этот взрослый, сдержанный тон, отец вздрогнул, как от пощечины.

Тем вечером я не разговаривала с ним за ужином и не пришла к нему в комнату ночью, умоляя рассказать интересную историю (а рассказывать он умел; отец всегда говорил: его работа на девяносто девять процентов заключалась в том, чтобы слушать истории и понимать, куда они ведут).

Но я покончила с этими глупыми фантазиями. Никаких больше дверей и даже Дверей, никаких грез о серебряных морях и белых городах. Никаких историй. Я подумала: это еще один урок, который нужно усвоить, чтобы повзрослеть. Все через это проходят.

Однако, дорогой читатель, я раскрою тебе секрет: я сохранила серебряную монету с портретом чужеземной королевы. Я носила ее в кармашке, вшитом в нижнюю юбку. Прижатая к моей талии, монета всегда была теплой, а когда я держала ее в руках, то чувствовала запах моря.

Целых десять лет у меня не было ничего дороже этой монеты. А потом мне исполнилось семнадцать, и я нашла «Десять тысяч дверей».

2

Дверь в кожаном переплете

Я нашла ее только благодаря птице.

Я шла в кухню в надежде стянуть немного вечернего кофе у миссис Пертрам, кухарки, и вдруг услышала щебет и какое-то хлопанье. Я замерла посередине лестничного пролета на полпути ко второму этажу и подождала. Все повторилось: тихий трепет крыльев, за которым следует глухой стук. И тишина.

Я пошла на звук. Он привел меня в гостиную второго этажа, носившую название «Зал фараонов», поскольку там хранилась обширная египетская коллекция мистера Локка: красные и синие саркофаги, мраморные урны с ручками в форме крыльев, крошечные золотые кресты – анки – на кожаных шнурках, резные каменные колонны, осиротевшие, вырванные из родных храмов. Комнату всегда наполнял желтовато-золотистый свет, даже сейчас, в густых летних сумерках.

Звук доносился из южного угла комнаты, где по-прежнему стоял синий сундучок. Он трясся, стуча днищем по постаменту.

С тех пор как я нашла в нем дневник, я взяла привычку время от времени возвращаться к сундучку и заглядывать в его пыльное нутро – ничего не могла с собой поделать. Ближе к Рождеству в нем появилась картонная марионетка с деревянными палочками, прикрепленными к конечностям. Следующим летом я обнаружила крошечную музыкальную шкатулку с вальсом в русском стиле, чуть позже – маленькую коричневую куколку, обвешанную яркими бусами, а потом – иллюстрированное французское издание «Книги джунглей».

Я никогда напрямую не спрашивала, но не сомневалась, что это подарки от мистера Локка. Они, как правило, появлялись в самые нужные минуты: когда мой отец в очередной забывал про мой день рождения или не приезжал на праздники. В эти моменты я почти чувствовала, как мистер Локк неловко кладет руку мне на плечо, пытаясь утешить.

Однако в то, что он намеренно спрятал в сундучке птицу, мне верилось с трудом. Я с глубоким сомнением подняла крышку. Что-то серо-золотистое вылетело прямо на меня, будто ядрышко из маленькой пушки, и начало рикошетить по комнате. Это была хрупкая взъерошенная птичка с оранжевой головой и тонкими лапками (позже я попыталась найти ее название, но в справочнике мистера Одюбона не упоминалось ни одного похожего вида).

Я уже отворачивалась, опуская крышку сундучка, как вдруг заметила: внутри лежит что-то еще.

Книга. Небольшая, в кожаном переплете, с потертыми уголками и тиснеными буквами, с которых местами слезла позолота: ДЕСЯТЬ ТЫ ВЕРЕЙ. Я веером пролистала страницы.

Те из нас, кто привык к тесному общению с книгами – проводит свободные вечера в старых книжных магазинах, украдкой поглаживая корешки со знакомыми названиями, – понимают, что при знакомстве с новой книгой просто необходимо ее пролистать. В это мгновение мы читаем не слова, а запах, который поднимается со страниц в облачке пыли и древесных волокон. Книга может пахнуть дорогой бумагой и хорошим переплетом, а может – тонкими страницами и расплывающимися двухцветными оттисками или десятилетиями, проведенными в доме заядлого курильщика, который ни разу ее не открыл. От книг порой исходит запах дешевых сенсаций или кропотливого труда дотошного ученого, литературной значимости или неразгаданных тайн.

Но я никогда не встречала книги, которая пахла бы так, как эта: корицей и угольным дымом, сыростью катакомб и глиной; промозглыми вечерами на морском берегу и жарким, липким от пота полуднем в тени пальмовых ветвей. Она пахла так, будто шла по почте дольше любой посылки, годами скитаясь по свету и накапливая ароматы слой за слоем, как бродяга, одетый в кучу тряпья.

Она пахла так, будто кто-то нашел в глуши дерево приключений, сорвал с него спелый плод, сделал крепкое вино и разлил по каждой странице.

Но я забегаю вперед. Истории надо рассказывать по порядку, у них должны быть начало, середина и конец. Пусть я и не ученый, но хотя бы это мне известно.

Все годы после обнаружения синей Двери я занималась тем, чего ждут от всех своевольных и опрометчивых девочек: боролась с собственным своеволием и опрометчивостью.

Весной тысяча девятьсот третьего года мне было девять лет, а мир только-только распробовал на вкус слово «прогресс». Два брата в Северной и Южной Каролинах увлеченно экспериментировали с летательными аппаратами; наш новый президент недавно посоветовал всем говорить мягко, но носить с собой большие дубинки – это, судя по всему, означало, что наша страна должна напасть на Панаму; в моду ненадолго вошли ярко-рыжие волосы – пока женщины не стали сообщать о головокружениях и выпадении волос, после чего выяснилось: чудесная краска для волос от мисс Валентайн на самом деле – красный крысиный яд. Мой отец пропадал где-то в Северной Европе (он прислал мне открытку с изображением заснеженных гор и двух детишек, одетых как Гензель и Гретель; на обороте было написано: «С прошедшим днем рождения»), а мистер Локк наконец решился взять меня в очередную поездку.

После происшествия в Кентукки я вела себя образцово: не изводила мистера Стерлинга и не трогала коллекции мистера Локка; не нарушала правила мисс Вильды, даже самые дурацкие, вроде того, что воротнички нужно обязательно сложить сразу после глажки; больше не убегала на улицу играть со «вшивыми оборванцами-макаронниками», вместо этого наблюдая за Сэмюэлем, сидевшим в повозке, из окна отцовского кабинета на третьем этаже. Он по-прежнему оставлял мне газеты всякий раз, когда ему удавалось обхитрить миссис Пертрам. Я прочитывала их, легко определяя его любимые страницы по загнутым углам, и возвращала, туго скрутив и затолкав в бутылки из-под молока, предварительно выделив все лучшие и самые кровавые строки.

Уезжая, Сэмюэль всегда поднимал взгляд и долго смотрел в мое окно, чтобы я поняла, что он меня заметил, а потом махал мне рукой. Иногда, если мисс Вильда не смотрела и у меня случался приступ смелости, я касалась пальцами

оконного стекла.

Большую часть времени я занималась спряжением латинских глаголов и арифметикой под присмотром нанятого учителя с бесцветным взглядом. Раз в неделю мистер Локк сам устраивал мне уроки, и я вынуждена была вежливо кивать, пока он читал мне лекции об акциях, о регулятивных советах, которые ничего не смыслили в своей работе, о том, как он в молодости учился в Англии, и о трех лучших разновидностях шотландского виски. С помощью старшей экономки я осваивала хорошие манеры и училась вежливо улыбаться всем гостям и клиентам, приезжавшим в особняк.

– Что за очаровательная крошка, – умилялись они. – И такая учтивая! – С этими словами меня гладили по голове, будто дрессированную болонку.

Иногда мне было так одиноко, что я боялась рассыпаться в прах и без следа рассеяться по свету под дуновением ветерка.

Иногда мне казалось, будто я экспонат в коллекции мистера Локка с табличкой: «Январри Сколлер, 57 дюймов, бронза; назначение неизвестно».

Поэтому, когда он предложил поехать с ним в Лондон – при условии выполнения всех его требований как Божьих заповедей, – я с таким воодушевлением ответила «Да!», что даже мистер Стерлинг вздрогнул.

Действие доброй половины моих любимых рассказов и низкосортных романов разворачивалось в Лондоне, поэтому я знала, что меня ждет: темные туманные улицы, по которым бродят оборванцы и злодеи в шляпах-котелках; здания, покрытые пятнами копоти и нависающие над тобой во всем своем мрачном великолепии; безмолвные ряды серых домов. Смесь «Оливера Твиста» с рассказами о Джеке-потрошителе и щепоткой «Сары Кру».

Может, какие-то районы Лондона и впрямь так выглядели, но город, который я увидела в тысяча девятьсот третьем году, оказался почти полной противоположностью моих ожиданий: шумный, яркий и многолюдный. Едва мы сошли с поезда Лондонской и Северо-Западной железной дороги на вокзале Юстон, нас чуть не затоптала группа школьников в одинаковых темно-синих костюмчиках; человек в изумрудном тюрбане вежливо поклонился, проходя мимо; темнокожее семейство громко спорило о чем-то на своем языке; красный с

золотом плакат рекламировал «Настоящий людской зоопарк доктора Гудфеллоу: пигмеи, зулусские воины, вожди индейцев и рабыни с востока!».

– Мы и так в людском зоопарке, черт возьми, – проворчал Локк и отправил мистера Стерлинга поймать нам такси, чтобы отправиться напрямую в главный офис Королевской каучуковой компании. Носильщики затолкали багаж мистера Локка в такси, а потом мы с мистером Стерлингом подняли все чемоданы по мраморным ступенькам, ведущим в здание.

Мистер Локк и мистер Стерлинг исчезли в полутемных коридорах в сопровождении важных с виду людей в черных костюмах, а мне велели сидеть в вестибюле на стуле с узкой спинкой, никому не мешать, не шуметь и ничего не трогать.

Какое-то время я изучала фреску на противоположной стене. Она изображала африканца, преклонившего колени и вручающего Британии корзину с каучуковой лозой. На лице африканца застыло угодливое и в то же время мечтательное выражение.

Интересно, подумала я, считаются ли африканцы цветными в Лондоне – и считаюсь ли здесь цветной я. От этой мысли по моему телу пробежала дрожь: о, как же мне хотелось стать частью какой-то большой общности, знать свое место и не притягивать любопытных взглядов. Как выяснилось, быть «совершенно уникальным экземпляром» довольно одиноко.

Одна секретарша смотрела на меня с напряженным прищуром. Этот типаж всем знаком: невысокая белокожая дама с тонкими губами, которая, судя по всему, всю жизнь только и ждет шанса ударить кого-нибудь линейкой по рукам. Я решила не давать ей такой возможности. Подскочив, я притворилась, будто услышала, что меня зовет мистер Локк, и побежала по коридору в ту сторону, куда ушел он.

Маслянистый свет лампы вытекал сквозь щелочку слегка приоткрытой двери, а дубовые панели вдоль стен жадно ловили мужские голоса и отражали их тихим эхом. Я подкралась поближе и заглянула внутрь: вокруг длинного стола, на котором мистер Локк разложил багаж, стояли восемь или девять усатых мужчин. Черные ящички были открыты, повсюду валялись мятые газеты и солома. Сам Локк стоял во главе стола и держал что-то в руках, но я не видела, что именно.

– Поистине ценная находка, господа, привезена из Сиама. Внутри, как мне сообщили, находится порошок из чешуи… Весьма мощного…

Присутствующие внимали ему с почти непристойным энтузиазмом. Казалось, мистер Локк притягивал их к себе, будто магнит. Мне почудилось в них что-то странное, какая-то общая неправильность, словно это были не люди, а какие-то иные существа, втиснутые в черные сюртуки.

Я поняла, что один из этих господ мне знаком. Я видела его на вечеринке в честь ежегодного собрания Общества в прошлом июле. Он все время держался где-то с краю и осматривал гостиную бегающими желтоватыми глазами. Это был суетливый человечек с лицом, похожим на мордочку хорька, и такими ярко-рыжими волосами, что даже чудесная краска для волос от мисс Валентайн не смогла бы воспроизвести этот цвет. Он, как и все остальные, внимал мистеру Локку, подавшись чуть вперед, но потом его ноздри вдруг раздулись, как у собаки, которая уловила неприятный ей запах.

Разумеется, я знаю, что люди неспособны учуять по запаху непослушных девочек, которые подглядывают. Да и что бы мне сделали – я ведь просто подошла посмотреть? Но было в этом собрании что-то секретное, даже запретное, а рыжеволосый человек запрокинул голову, будто и впрямь пытался поймать запах и отследить его…

Я отскочила от двери и вернулась на свой стул в вестибюле. Следующий час я просидела, аккуратно скрестив ноги, рассматривая плитку на полу и старательно не обращая внимания на недовольные вздохи и пыхтение секретарши.

Девятилетние дети многого не знают, но они вовсе не глупы. Я и раньше догадывалась, что не все находки моего отца остаются в особняке Локка. Судя по всему, некоторые из них переправляли через Атлантику и распродавали на закрытых аукционах в душных залах для заседаний. Я представила, как какая-нибудь несчастная глиняная табличка или манускрипт, украденные из родной земли, отправляются кружить по миру, сиротливые и одинокие, лишь затем, чтобы в итоге оказаться в музейной витрине, где на них будут глазеть люди, неспособные их прочесть. Потом я напомнила себе, что в особняке все равно происходит то же самое, и разве сам мистер Локк не говорил, мол, оставлять возможности нереализованными – это проявление «преступной трусости»?

Я подумала и решила: о некоторых вещах лучше молчать, если хочешь оставаться хорошей девочкой.

Я не сказала ни слова ни мистеру Локку, ни мистеру Стерлингу, когда они снова вышли в вестибюль, и потом, по пути в отель, и даже когда мистер Локк вдруг заявил, что хочет пройтись по магазинам, и велел водителю такси ехать в район Найтсбридж.

Мы вошли в универмаг размером с небольшое независимое государство, весь из стекла и мрамора. Белозубые консультанты стояли за каждым прилавком, словно улыбчивые часовые на посту.

Одна из них поспешила к нам навстречу, быстро перебирая ножками по сияющему полу, и прощебетала:

– Добро пожаловать, сэр! Чем могу вам помочь? Какая очаровательная малышка! – Ее улыбка ослепляла, но я чувствовала ее недоверчивый взгляд, скользивший по моей коже, волосам и глазам. Будь я плащом на вешалке, она бы вывернула меня наизнанку, чтобы найти ярлычок и узнать производителя. – Где вы ее нашли?

Мистер Локк поймал мою руку и покровительственно подал мне локоть.

– Это моя… дочь. Приемная, разумеется. Скажу вам по секрету, вы имеете честь наблюдать последнюю представительницу гавайской королевской династии.

Наверное, дело было в том, как уверенно прогремел голос мистера Локка и как дорого смотрелся его сюртук; а может, просто в том, что эта женщина в жизни не видела коренных гавайцев. Так или иначе, она ему поверила. Ее подозрительность вмиг растаяла, сменившись изумлением и восхищением.

– О, это же просто поразительно! У нас есть чудесные тюрбаны из Лахора – очень экзотичные, отлично подойдут к ее цвету волос… Или, может, хотите взглянуть на зонтики? Отлично подходят для того, чтобы укрыться от летнего солнца.

Мистер Локк окинул меня оценивающим взглядом.

– Думаю, лучше книгу. Любую, какую выберет. В последнее время она очень хорошо себя вела.

Он улыбнулся мне – едва заметный изгиб губ выдали слегка дрогнувшие усы.

Я просияла. Меня взвесили, измерили и признали достойной.

В начале лета тысяча девятьсот шестого года мне было почти двенадцать. На воду только-только спустили лайнер «Лузитания» – самый большой корабль в мире (мистер Локк пообещал, что в скором времени купит нам билеты на него); в газетах все еще печатали зернистые фотографии разрушений, постигших Сан-Франциско в результате жуткого землетрясения; а я потратила карманные деньги и оформила подписку на журнал «Прогулка», чтобы каждую неделю читать новые главы очередного романа Джека Лондона. Мистер Локк уехал по делам без меня, а мой отец в кои-то веки сидел дома.

Днем ранее он должен был уехать в Бразилию, чтобы присоединиться к экспедиции мистера Фосетта, но произошла задержка: то ли нужные люди не успели проставить в его документах нужные печати, то ли хрупким инструментам нужно было обеспечить бережную доставку – меня это мало волновало. Главное – он дома.

Мы вместе позавтракали на кухне, сидя за большим столом, изрезанным ножами, покрытым жирными пятнами и ожогами. Отец перечитывал свои заметки в полевом журнале и поедал яичницу с тостом, нахмурив брови, так что между ними образовалась клиновидная складочка. Я не возражала: я держала в руках новые главы «Белого клыка». Каждый из нас ускользнул в свой личный мирок, и мы были вдвоем, но в то же время поодиночке.

В этом всем ощущалось замечательное умиротворение, правильность происходящего, и мне невольно захотелось притвориться, что так бывает каждое утро. Что мы обычная маленькая семья, что особняк Локка на самом деле наш дом, а этот стол – наш собственный, кухонный.

Впрочем, наверное, будь мы обычной семьей, с нами за столом сидела бы мама. Может, она бы тоже что-нибудь читала. Может, она бы посмотрела на меня поверх корешка своей книги, и ее глаза сверкнули бы как-то по-особенному, а

потом она бы протянула руку и смахнула хлебные крошки с неухоженной бороды моего отца.

Глупо предаваться таким мыслям. После них в груди остаются пустота и боль, как будто скучаешь по дому, даже будучи дома, и не можешь дальше читать журнал, потому что слова искажаются и расплываются перед глазами.

Отец взял в руки тарелку и чашку с кофе и поднялся, держа записную книжку под мышкой. Его глаза отстраненно смотрели сквозь предназначенные для чтения очки с золотистой оправой. Он повернулся к выходу.

– Постой, – выпалила я. Отец резко перевел взгляд на меня, напомнив перепуганную сову. – Я тут подумала… Можно я тебе помогу? С работой?

Я увидела, как его губы складываются в слово «нет», как отец готовится с сожалением покачать головой, но потом замирает и смотрит на меня. Что-то, увиденное в моем лице, – влажный блеск подступивших слез, болезненная опустошенность в глазах – заставило его резко вздохнуть.

– Конечно, Январри. – Его необычный акцент всякий раз перекатывался через мое имя, как корабль через морскую волну. Мне нравилось его звучание.

Мы провели целый день в бесконечных подвальных складах особняка, где в набитых соломой ящиках хранились сломанные экспонаты из коллекции мистера Локка, а также те, которые еще не удалось должным образом атрибутировать и классифицировать. Отец сидел со стопкой записных книжек, бормотал себе под нос, записывая что-то, и время от времени давал мне задание набрать текст этикетки на блестящей черной печатной машинке. Я представляла себя Али-Бабой в Пещере чудес, или рыцарем, перебирающим драконьи сокровища, или просто девочкой, у которой есть папа.

– Ах да, лампа. Положи ее к ковру и ожерелью, пожалуйста. Только ни в коем случае не три… Хотя… Ну что такого может случиться? – Я не была уверена, что отец обращается ко мне, пока он не поманил меня к себе. – Неси-ка ее сюда.

Я вручила ему бронзовый сосуд, который достала из ящика с надписью «ТУРКЕСТАН». Артефакт был не слишком-то похож на лампу; скорее он напоминал небольшую птицу необычной формы, с длинным носиком-клювом и

странными символами на крыльях. Отец аккуратно провел пальцем по письменам, и из носика повалил маслянистый белый дым. Его клубы поднимались, изгибаясь и скручиваясь, как бледная змея, складываясь в формы, похожие на слова.

Отец разогнал дым рукой. Я моргнула.

– Как… Там, наверное, спрятаны фитиль и огниво. Как это работает?

Папа с полуулыбкой убрал лампу обратно в ящик. Потом он пожал плечами. Улыбка сделалась шире, а в глазах, спрятанных за стеклами очков, сверкнуло что-то похожее на веселье.

Может, дело было в том, что он так редко улыбался, или в том, что день так замечательно складывался, но я, не подумав, выпалила нечто ужасно глупое:

– Можно мне с тобой?

Отец склонил голову набок. Улыбка исчезла.

– Когда ты поедешь в Бразилию. Или в следующий раз. Возьмешь меня с собой?

Для меня это была несбыточная мечта, настолько желанная, что даже думать о ней больно, поэтому ты прячешь ее в самом сердце, как тлеющий уголек. Но подумать только: сбежать из мира бесконечных гостиничных вестибюлей, универмагов и дорожных плащей с аккуратными пуговками… Нырнуть, словно рыба в реку, в ревущий поток жизни и поплыть рядом с отцом…

– Нет. – Холодно, резко. Окончательно и бесповоротно.

– Я опытный путешественник, спроси мистера Локка! Я не мешаюсь, не трогаю то, что нельзя, ни с кем не заговариваю и не отбиваюсь от остальных…

Между бровей отца снова возникла складка озадаченности.

– И зачем тогда путешествовать? – Он покачал головой. – Мой ответ – «нет», Январри. Это слишком опасно.

Я почувствовала, как жар стыда и гнева покалывает кожу на шее, но промолчала, потому что боялась расплакаться и сделать еще хуже.

– Послушай. Я добываю уникальные и ценные вещи, понимаешь? Для мистера Локка и его друзей из Общества. – Я не стала кивать. – Так вот, они, судя по всему, не единственные, кого это интересует. Есть и другие… Не знаю, кто именно… – Он сглотнул. – Здесь ты в безопасности. Для маленького ребенка лучше места не найти. – Последние слова прозвучали заученно и больше напоминали эхо чужих слов, так что я сразу поняла – отец цитирует мистера Локка.

Я кивнула, опустив взгляд на засыпанный соломой пол.

– Да, сэр.

– Но… Однажды я возьму тебя с собой. Обещаю.

Мне хотелось поверить ему, но за всю свою жизнь я успела наслушаться пустых обещаний и научилась их распознавать. Я ушла, не сказав больше ни слова.

Спрятавшись в своей комнате, я завернулась в розовое с золотом одеяло, которое все еще пахло мускатом и сандаловым деревом, достала монету из кармашка, вшитого в юбку, и посмотрела на серебряную королеву. У нее была озорная улыбка, которая словно манила за собой, и на мгновение мое сердце сорвалось в полет, а на языке возник привкус кедровой смолы и соли…

Я подошла к комоду и спрятала монету под обивку шкатулки с украшениями. Я решила, что уже слишком взрослая для того, чтобы таскать с собой такие безделушки.

В марте тысяча девятьсот восьмого мне было тринадцать – возраст, в котором постоянно чувствуешь себя неловко и вообще поглощен исключительно самим собой, поэтому я почти ничего не помню про этот год. Кроме того, что подросла на четыре дюйма и что Вильда заставила меня носить на груди кошмарную жесткую конструкцию. Мой отец путешествовал на пароходе, который направлялся к Южному полюсу, и все его письма пахли льдом и птичьим

пометом. В восточном крыле особняка Локка гостила группа неприятных с виду техасских нефтяников, а мне было велено не попадаться им на глаза. Тоска и одиночество терзали меня так, как могут терзать только тринадцатилетнего подростка – то есть очень сильно.

Единственной моей компанией была Вильда. За прошедшие годы она прониклась ко мне намного большим расположением, поскольку я наконец начала вести себя как «настоящая юная леди». Но это расположение означало лишь, что моя нянька чаще улыбалась – ее улыбка казалась мне ржавым, покрытым паутиной хламом, который несколько десятилетий провалялся в пыльном сундуке, – и иногда предлагала почитать со мной вслух «Путешествие пилигрима» для развлечения. С ней я чувствовала свое одиночество чуть ли не острее, чем если бы была совсем одна.

Но потом произошло некое событие, после которого я больше никогда не оставалась одна.

Как-то раз я, скрючившись за письменным столом в кабинете отца, переписывала бухгалтерские книги для мистера Локка. В моей комнате тоже имелся стол, но я предпочитала сидеть здесь. Отца все равно почти никогда не было дома. Мне нравились тишина и неподвижность этого кабинета, а в воздухе крохотными пылинками висел папин запах – запах морской соли, специй и незнакомых звезд.

Но больше всего мне нравился отличный вид на подъездную аллею, открывавшийся отсюда, и я знала, что точно не пропущу момент, когда к дому подъедет, покачиваясь, повозка Сэмюэля Заппиа. Он почти перестал присылать мне газеты – эта наша традиция практически сошла на нет, как переписка со старыми друзьями, чьи письма становятся все короче с каждым месяцем, – но всегда приветственно махал. В этот день я увидела, как его дыхание сорвалось с губ облачком пара, а потом он запрокинул голову, чтобы посмотреть на окно кабинета. Мне показалось, или его зубы сверкнули в улыбке?

Его повозка свернула в направлении кухни, а я начала придумывать и тут же отметать предлоги, под которыми могла бы пройтись мимо него в ближайшие полчаса. И тут в дверь постучала мисс Вильда – с глубоким подозрением она сообщила, что юный мистер Заппиа хочет со мной поговорить.

– О. – Я попыталась изобразить непринужденный тон. – Зачем это?

И отправилась вниз. Вильда шла за мной по пятам, как большая шерстяная тень. Сэмюэль дожидался меня, стоя рядом со своими пони и бормоча что-то в их бархатистые ушки.

– Мисс Сколлер, – произнес он в знак приветствия.

Я заметила, что большинство бед, с которыми сталкиваются подростки, обошли его стороной. Вместо того чтобы отрастить десяток лишних локтей и превратиться в подобие неуклюжего новорожденного жирафа, он стал более складным и грациозным. Более привлекательным.

– Сэмюэль. – Я обратилась к нему самым «взрослым» тоном из возможных, как будто не бегала с ним в догонялки, требуя немедленно сдаться, и не поила его волшебными зельями, состоявшими из сосновой хвои и озерной воды.

Он окинул меня оценивающим взглядом. Я постаралась не думать о своем бесформенном шерстяном платье, которое так нравилось Вильде, и о том, как мои непослушные волосы все время вырываются из плена шпилек. Вильда грозно покашляла, напомнив мумию, которая прочищает горло от могильной пыли.

Сэмюэль покопался в повозке и достал укрытую чем-то корзину.

– Это вам. – Выражение его лица ничего не выдавало, но едва заметная складочка возле уголка губ могла быть намеком на улыбку. Его глаза сияли знакомым светом воодушевления. Точно так же он смотрел на меня, когда пересказывал сюжет очередного низкосортного романа и добирался до места, где главный герой в решающий момент врывается и спасает похищенного ребенка. – Возьмите.

Читатель, наверное, уже думает, что эта история в итоге окажется вовсе не о Дверях, но о более личных и в то же время более волшебных вратах, которые открываются между двумя сердцами. Может, так и есть – я убеждена: каждая история может оказаться историей любви, если посмотреть на нее в правильное мгновение, под правильным углом в лучах закатного солнца, – но тогда речи об этом не шло.

Не Сэмюэль стал моим самым близким другом на свете. Им стал зверек, который лежал, сопя и подергивая лапками, в протянутой мне корзине.

Из своих редких прогулок в Шелберн, которые проходили в сопровождении Вильды, я знала: Заппиа проживали в тесной квартирке прямо над своей продуктовой лавкой. Это было многочисленное шумное семейство, при виде которого мистер Локк недовольно фыркал и бормотал что-то про «этих людишек». Охраняла магазин огромная зубастая собака по кличке Белла.

Она, как объяснил Сэмюэль, недавно произвела на свет щенят бронзового окраса. Остальные дети семейства Заппиа теперь распродавали их доверчивым туристам, убеждая их, что это редкая африканская порода для охоты на львов. Но одного щенка Сэмюэль оставил.

– Выбрал для тебя самого лучшего. Видишь, как он на тебя смотрит?

И правда: щенок в корзинке перестал ворочаться и уставился на меня влажными голубоватыми глазами, как будто ожидая от меня божественных откровений.

Я не могла знать, чем станет для меня этот щенок, но, наверное, предчувствовала это, потому что, когда я подняла взгляд на Сэмюэля, у меня защипало глаза.

Я открыла было рот, но Вильда снова издала трескучий горловой звук.

– Ну уж нет, юноша, – объявила она. – Немедленно отнесите это животное туда, откуда оно взялось.

Сэмюэль даже не нахмурился, но складочка возле его губ тут же исчезла. Вильда вырвала корзину у меня из рук – щенок завалился на бок и перекатился, беспомощно перебирая лапками, – и сунула ее Сэмюэлю.

– Уверена, мисс Сколлер оценила вашу щедрость. – С этими словами она повела меня обратно в дом и еще целую вечность читала мне нотации о микробах, о том, что настоящим леди не положено держать больших собак, и о том, как опасно принимать подарки от мужчин низкого социального статуса.

За ужином я попыталась воззвать к мистеру Локку, но безуспешно.

– Полагаю, тебя разжалобила какая-нибудь блохастая бродяга?

– Нет, сэр. Вы помните Беллу, собаку, которую держат Заппиа? Она родила щенков, и…

– Значит, полукровка. Они никуда не годятся, Январри, и потом, я не желаю, чтобы какая-то дворняжка погрызла мне всю таксидермию. – Он помахал вилкой. – Но послушай, что я тебе скажу. Один из моих партнеров в Массачусетсе разводит очень редких такс. Возможно, если ты будешь очень старательно учиться, я соглашусь наградить тебя ранним рождественским подарком. – Он снисходительно улыбнулся мне, подмигнул, заметив поджатые губы Вильды, и я выдавила ответную улыбку.

После ужина я вернулась к переписыванию бухгалтерских книг в угрюмом и раздраженном настроении, со смутным ощущением, будто мне натирают кожу невидимые кандалы. Цифры начали расплываться и преломляться из-за выступивших на глазах слез. Внезапно мне почему-то захотелось вернуть свой давно утерянный карманный дневник. И тот день в поле, когда я написала историю так, что она ожила.

Моя ручка скользнула к полям книги. Я не стала обращать внимания на голос в голове, твердивший, что это нелепо, бессмысленно и невозможно; что слова на бумаге не способны творить волшебство. Я написала: «Жила-была хорошая девочка, которая встретила плохую собаку, и они стали лучшими друзьями».

На этот раз я не почувствовала, что мир беззвучно изменился. Мне лишь показалось, будто вся комната тихо вздохнула. Окно, выходившее на юг, слегка задребезжало. Меня охватила болезненная усталость, тело потяжелело, как будто все мои кости стали свинцовыми. Ручка выпала из моих пальцев. Я сморгнула влагу, затуманившую взгляд, и задержала дыхание.

Но ничего не произошло. Щенок не возник рядом со мной из ниоткуда. И я вернулась к работе.

На следующее утро я проснулась резко и очень рано – ни одна молодая девушка в своем уме не согласится добровольно встать в такой ранний час. Я услышала,

как что-то ударилось в окно. Вильда засопела во сне, инстинктивно хмуря брови.

Я кинулась к окну, путаясь в ночной рубашке и простынях. На покрытой инеем лужайке стоял Сэмюэль, на его запрокинутом лице снова играла полуулыбка. В одной руке он сжимал повод своего серого пони, а во второй держал все ту же корзинку с круглым дном.

Я выскочила за дверь и помчалась вниз по черной лестнице, не успев задуматься даже на секунду. Мысли «Вильда с тебя кожу сдерет» и «Боже, ты же в одной ночнушке» пришли мне в голову только после того, как я распахнула дверь черного хода и побежала навстречу Сэмюэлю.

Тот покосился на мои босые ноги, которые холодил иней, а потом перевел взгляд на мое лицо, исполненное отчаянного нетерпения. И во второй раз протянул мне корзину. Я обхватила замерзший сонный комочек и прижала к груди. Щенок тут же уткнулся носом мне под мышку в поисках тепла.

– Спасибо, Сэмюэль, – прошептала я. Сейчас я понимаю, что это была слишком скудная благодарность. Но Сэмюэль, похоже, остался доволен. Он склонил голову, напомнив рыцаря, который добился благосклонности прекрасной дамы, потом взобрался на своего сонного пони и исчез в тумане полей.

Я позволю себе прояснить ситуацию: я не дурочка. Я поняла, что слова, которые я написала на полях, – это не просто чернила на бумаге. Они прикоснулись к миру и внесли в него какие-то невидимые, неясные изменения, которые привели Сэмюэля к моему окну. Но было и более рациональное объяснение: он разглядел тоску в моих глазах и решил послать ко всем чертям эту злую немку с ее запретами. Я предпочла поверить в это объяснение.

И все же, вернувшись в комнату и положив пушистый коричневый комочек в гнездо из подушек, я первым делом отыскала в ящике стола перо. Взяв с полки «Книгу джунглей», я открыла пустую страницу в конце и написала: «С того дня они с собакой стали неразлучны».

Летом тысяча девятьсот девятого года мне было почти пятнадцать, и туман моего подросткового эгоизма постепенно начал рассеиваться. Весной вышла вторая книга «Анны с фермы “Зеленые крыши”» и пятая книга «Страны Оз»;

белая курносая женщина по имени Элис успешно завершила поездку на автомобиле через всю страну (мистер Локк назвал сей подвиг «крайне нелепой выходкой»); ходили пересуды об Оттоманской империи, где случился то ли переворот, то ли революция («какая бессмыслица»); а мой отец уже много месяцев находился в Восточной Африке и ни разу не прислал ни одной открытки, только посылку к Рождеству, в которой лежала фигурка слона, вырезанная из пожелтевшей слоновой кости, с буквами МОМБАСА на животе. К ней была приложена записка, в которой он обещал, что приедет домой к дню моего рождения.

Он не приехал. Зато приехала Джейн.

Начиналось лето, и листья на деревьях были еще молодыми и блестящими от росы, а небо синело, будто свежевыкрашенное. Я лежала в саду вместе с Бадом, перечитывая прошлые книги «Страны Оз», чтобы подготовиться к чтению новой. Я уже успела позаниматься французским и латынью, решила все задачки и переписала бухгалтерию для мистера Локка. Теперь, оставшись без Вильды, по вечерам я была предоставлена самой себе.

Думаю, Бад заслуживает более подробного рассказа. Если бы худшие кошмары Вильды могли принять осязаемую форму, они оказались бы очень похожи на желтоглазого щенка с огромными лапами, роскошной бурой шерстью и без малейшего уважения к нянькам. Увидев его у меня в спальне, она закатила истерику и потащила меня в кабинет мистера Локка прямо в ночной рубашке.

– Боже мой, мисс, прекратите эти крики, я даже кофе еще не пил. Так в чем дело? Мне казалось, я вчера вполне ясно выразился. – Мистер Локк обратил на меня свой фирменный ледяной взгляд бледных, как луна, глаз. – Не желаю видеть это животное в своем доме.

Я почувствовала, как моя воля дрожит, поддается и угасает под тяжестью его взгляда. Но потом я подумала о словах, спрятанных на последней странице томика Киплинга: «Они с собакой стали неразлучны». Я покрепче обняла Бада и посмотрела в глаза мистеру Локку, упрямо сжав челюсти.

Прошла секунда, потом еще одна. У меня на шее выступил пот, как будто я поднимала тяжести. Потом мистер Локк рассмеялся.

– Ладно, оставь его, если так уж хочется.

С этого момента мисс Вильда стала постепенно исчезать из нашей жизни, выцветать, как газетный заголовок на солнце. У нее не было шансов против Бада, который рос с пугающей скоростью. Со мной он все так же был ласковым щенком, который засыпал у меня в ногах и пытался забраться на колени даже тогда, когда перестал туда помещаться. Но вот его отношение ко всем остальным представителям человеческого рода становилось просто опасным. За шесть месяцев он с успехом изгнал Вильду из нашей комнаты, заставив ее переселиться к прислуге, а к девятому месяцу большинство обитателей особняка предпочитали не соваться к нам на третий этаж.

В последний раз я видела Вильду, когда она торопливо шла через лужайку, озираясь на окно моей комнаты, – нянька напоминала генерала, бегущего с поля проигранной битвы. Я так крепко обняла Бада, что он взвизгнул, а потом мы весь вечер плескались на озере, охваченные головокружительным чувством свободы.

Теперь я лежала, пристроив голову на его нагретые солнцем ребра, и вдруг до меня донесся хруст и шум двигателя, означавшие, что к дому приближается машина.

Подъездная дорога, ведущая к особняку Локка, представляла собой длинную извилистую аллею из величавых дубов. Мы с Бадом обошли дом и вышли из-за угла как раз в тот момент, когда такси отъехало от входа. К парадной лестнице из красного камня уверенным шагом приближалась странная незнакомка.

В первое мгновение я подумала, что это какая-нибудь африканская королева, которая отправилась с визитом к президенту Тафту, но по ошибке прибыла в особняк Локка. Не сказать, что она выглядела так уж роскошно – бежевый дорожный плащ с ровным рядом блестящих черных пуговиц, один-единственный кожаный саквояж, скандально – или высокомерно – короткие волосы. Скорее, дело было в гордо расправленных плечах или, может, в том, каким взглядом она окинула особняк Локка – без толики восхищения и благоговения.

Она увидела нас и остановилась перед лестницей, видимо, в ожидании. Мы подошли ближе, и я положила руку на ошейник Бада на случай, если ему взбредет в голову безобразничать.

– Ты, наверное, Январри. – Она говорила с ритмичным иностранным акцентом. – Джулиан сказал мне искать девочку с непослушными волосами и злой собакой. – Женщина протянула мне руку, и я пожала ее. Ладонь незнакомки была покрыта мозолями, напоминавшими топографическую карту незнакомой страны.

В этот момент из парадной двери вышел мистер Локк и направился к своему новенькому «Бьюику» десятой модели. Это пришлось очень кстати, поскольку мой рот широко раскрылся от изумления и закрываться, похоже, не собирался. Мистер Локк был уже посередине лестницы, когда наконец заметил нас.

– Январри, сколько раз я тебе говорил сажать это дикое животное на поводок… а это еще кто? – Его представления о вежливости, судя по всему, не касались общения с темнокожими женщинами, которые неожиданно появлялись на его пороге.

– Я мисс Джейн Ириму. Мистер Джулиан Сколлер нанял меня в качестве компаньонки для своей дочери и оплачивает мои услуги из собственных средств в размере пяти долларов в неделю. Он выразил надежду, что вы любезно предоставите мне стол и кров. Полагаю, это письмо ясно объясняет мое положение.

Она протянула грязный потрепанный конверт мистеру Локку. Тот вскрыл его с выражением глубочайшего недоверия на лице. По мере чтения у него вырвалось несколько восклицаний:

– Ради блага его дочери, значит?.. Он сам нанял?..

Наконец он свернул письмо.

– И вы ждете, что я поверю, будто Джулиан выслал няньку для своей дочери с другого континента? Для дочери, которая, смею заметить, почти взрослая?

Лицо мисс Ириму – совершенное, будто высеченное резцом скульптора, – напоминало разглаженный ветрами ландшафт. Казалось, ни улыбка, ни хмурый изгиб бровей не способны потревожить его неподвижность.

– Я попала в непростое положение. Как и сказано в письме, если я не ошибаюсь.

– Благотворительность, стало быть? Джулиан всегда был слишком жалостливым. – Мистер Локк хлопнул перчатками по ладони и недовольно фыркнул. – Ну ладно, мисс Как-вас-там. Я ни в коем случае не желаю вставать между отцом и дочерью. Но будь я проклят, если отдам вам хорошую гостевую комнату. Проводи ее в свою комнату, Январри. Пусть займет кровать, на которой спала Вильда. – С этими словами он удалился, качая головой.

Молчание, установившееся после его прихода, показалось мне скромным и робким, как будто оно хотело бы стать неловким, но не посмело этого сделать под уверенным взглядом мисс Ириму.

– Э-эм. – Я сглотнула. – Познакомьтесь, это Бад. В смысле, Синдбад. Я хотела назвать щенка в честь какого-нибудь великого первооткрывателя, но ни одно из имен ему не подходило. Доктор Ливингстон и мистер Стэнли были очевидным выбором (мистер Локк так восхищался ими, что даже приобрел личный револьвер Стэнли, узконосый «Энфилд», который держал у себя в кабинете, чистил и смазывал каждую неделю), но они напоминали мне о засушенной руке африканского воина, лежащей за стеклом. Магеллан – слишком длинно, Дрейк – слишком скучно, Колумб – неудобно произносить. В итоге я назвала его в честь единственного мореплавателя, в чьих путешествиях мир всякий раз представал все более странным и загадочным.

Джейн посмотрела на пса с опаской.

– Не беспокойтесь, он не кусается, – заверила я ее. Он, конечно, кусался, но не очень часто, и, как мне казалось, люди, которым от него доставалось, были сомнительными личностями и, скорее всего, заслуживали быть укушенными. Мистер Локк считал этот аргумент неубедительным.

– Мисс Ириму… – начала я.

– Можно просто Джейн.

– Мисс Джейн. Можно мне прочитать письмо отца?

Она окинула меня холодным беспристрастным взглядом, как ученый, изучающий новый вид плесени.

– Нет.

– Тогда не могли бы вы сказать, почему он нанял вас? Пожалуйста.

– Джулиан очень любит тебя. Он не хочет, чтобы ты была одна.

У меня на языке вертелось несколько недобрых фраз вроде «Ого, вот это новости», но я сжала зубы и промолчала. Джейн продолжала смотреть на меня все с тем же выражением лица. Наконец она добавила:

– Твой отец также хочет, чтобы тебе ничто не угрожало. Я за этим прослежу.

Я устремила взгляд на зеленые лужайки поместья Локка и безмятежную серость озера Шамплейн.

– Ясно.

Я пыталась придумать, как бы повежливее сказать: «Мой отец повредился рассудком. Вам, наверное, лучше уехать», – когда Бад потянулся к Джейн, обнюхивая ее. На его морде читался вечный вопрос: кусать или не кусать? Он помедлил, а потом боднул ее руку головой, требуя почесать его за ушком.

Собаки, разумеется, намного лучше разбираются в людях, чем сами люди.

– Э-эм. Добро пожаловать в особняк Локка, мисс Джейн. Надеюсь, вам здесь понравится.

Она склонила голову.

– Уверена, так и будет.

Но в первые несколько недель, проведенные в поместье, Джейн ничем не показывала, что ей нравится дом – или хотя бы я.

Каждый день она проводила почти в полном молчании, бродя по комнатам, как запертый в клетке зверь. Джейн смотрела на меня с окаменелым выражением

обреченности на лице и время от времени с большим сомнением брала в руки прочитанные мной выпуски журналов «Детективы Стрэнда» и «Кавалиер: еженедельник о захватывающих приключениях!». Она напоминала мне одного из тех греческих героев, что вынуждены бесконечно биться над невыполнимой задачей: пить воду из исчезающей реки или катить камень в гору.

Мои первые попытки завести разговор закончились неудачей. Я задала несколько вежливых вопросов о ее прошлом и получила краткие сухие ответы, которые отбили у меня охоту спрашивать о чем-либо еще. Я узнала, что Джейн родилась в центральной высокогорной части Британской Восточной Африки в тысяча восемьсот семьдесят третьем году. Правда, тогда еще не было никакой Британской Восточной Африки. Еще я выяснила, что она провела шесть лет в церковной миссионерской школе в Найру, где выучила королевский английский, жила за счет королевской казны и молилась Богу, который хранил английскую королеву. Потом она оказалась в «непростой ситуации» и согласилась поработать на моего отца.

– Что ж, – выдавила я с напускным оптимизмом, – по крайней мере, здесь нет такой жары. Ну, как в Африке.

Джейн немного помолчала, уставившись в окно кабинета, откуда виднелась золотисто-зеленая гладь озера.

– Там, где я родилась, по утрам на траве лежал иней, – тихо ответила она, и на этом разговор умер, избавив нас обеих от дальнейших мук.

Кажется, я впервые увидела, как Джейн улыбается, только на празднике, устроенном мистером Локком по случаю ежегодного собрания Общества.

Вечеринка Археологического общества проходила каждый раз практически одинаково, лишь с незначительными изменениями: восемьдесят самых состоятельных приятелей мистера Локка из числа коллекционеров заполняли гостиные первого этажа и сады и громко хохотали, упражняясь в остроумии. Сотни коктейлей превращались в пропахшую эфиром испарину, смешивались с клубами сигаретного дыма, висевшего над головами душным облаком. В конце концов все члены Общества удалялись в курильную комнату, и тогда весь этаж заполняла вонь сигар. Иногда я старалась представить, будто все это празднество – на самом деле большая вечеринка в честь дня моего рождения,

потому что между ними обычно было всего несколько дней. Но трудновато притворяться, словно это твой праздник, когда пьяные гости постоянно путают тебя с прислугой и требуют принести им еще шерри или скотча.

В тот год мое праздничное платье представляло собой бесформенное розовое облако из ленточек и кружев. В нем я напоминала сердитое пирожное. К сожалению, у меня есть доказательства: для особого лоска мистер Локк нанял фотографа. На этом снимке у меня весьма напряженный и загнанный вид, а мои волосы так туго приколоты шпильками, что я кажусь лысой. Одной рукой я обнимаю Бада, то ли нуждаясь в опоре, то ли пытаясь удержать своего питомца, чтобы он не кинулся на фотографа. На Рождество мистер Локк вручил моему отцу эту небольшую, вставленную в рамку фотокарточку, вероятно, полагая, что тот будет брать ее с собой в путешествия. Но папа подержал ее в руках, хмурясь, и сказал:

– Ты здесь не похожа на себя. Ты не похожа… на нее. – Видимо, он имел в виду мою мать.

Через несколько месяцев я обнаружила фотографию в ящике стола, перевернутую лицом вниз.

Даже в этом платье, похожем на свадебный торт, даже в сопровождении Бада и Джейн, которые держались по обе стороны от меня, словно мрачные часовые, затеряться на вечеринке было несложно. Большинство присутствующих делились на две группы: одни видели во мне непонятную диковинку, наслушавшись от Локка, что я дочь бурского добытчика алмазов и его готтентотской жены или наследница огромного состояния в Индии; другие – нарядную служанку. Все они не обращали на меня особенного внимания, чему я была рада, особенно потому, что тот самый неприятный рыжеволосый тип, мистер Бартоломью Илвейн, тоже присутствовал на празднике, вечно скользя где-то по периферии толпы. Я прижалась спиной к обоям на стене и на мгновение позволила себе погрузиться в пустую фантазию, в которой Сэмюэль был рядом со мной и нашептывал мне историю о волшебстве и принцессе на балу, обреченной снова превратиться в служанку, едва часы пробьют полночь.

Мистер Локк громко и воодушевленно приветствовал каждого из гостей. В его речи слышался легкий акцент: в молодости он учился где-то в Британии, поэтому, слегка подвыпив, начинал по-британски проглатывать звук «р» и растягивать гласные.

– А, мистер Хавермайер! Рад, что вы смогли приехать, ужасно рад! Вы ведь знакомы с моей воспитанницей Январри, верно? – Он махнул рукой в мою сторону, чуть не расплескав виски из своей любимой нефритовой чаши.

Мистер Хавермайер был высоким, истощенным с виду созданием с такой белой кожей, что у него на запястьях проглядывалась сеточка синих вен, уходивших под дорогие кожаные перчатки: состоятельные мужчины специально носят их напоказ, напоминая всем, что у них есть автомобиль.

Он помахал тростью с золотым набалдашником и ответил, даже не удостоив меня взглядом:

– Разумеется. Из-за всех этих забастовок я не был уверен, что смогу выбраться к вам, но в последний момент, слава богу, привезли новую партию кули.

– Мистер Хавермайер занимается производством сахара, – пояснил мистер Локк. – По полгода проводит на каком-то богом забытом островке в Карибском море.

– О, все не так ужасно. Мне подходит такая жизнь. – Он перевел взгляд на меня и Джейн, и его губы сложились в оскал в форме улыбки. – Присылайте этих двоих ко мне, если они вам наскучат. Теплые тела всегда пригодятся.

Я похолодела и застыла, точно фарфоровая. Не знаю почему – даже при том, что я росла под защитой мистера Локка и его состояния, мне не раз доводилось терпеть подобные выпады в свой адрес. Может, дело было в голодной жадности, которая тлела в голосе Хавермайера, словно спрятанные под землей залежи угля. Или в том, как резко вдохнула Джейн, стоявшая рядом со мной. Или, может быть, юные девочки похожи на верблюдов, и рано или поздно находится та самая соломинка, которая переломит их хребет.

В то мгновение я понимала лишь, что вся дрожу, похолодев, а потом Бад вскочил, как жуткая ожившая горгулья, оскалив зубы. Наверное, у меня была секунда, чтобы схватить его за ошейник, но я не могла заставить себя пошевелиться, и вот уже мистер Хавермайер закричал высоким, исполненным ярости голосом, мистер Локк выругался, а Бад зарычал, терзая зубами ногу Хавермайера. А потом я услышала еще один звук, низкий и переливчатый,

настолько неуместный, что я не сразу в него поверила…

Это была Джейн. Она смеялась.

В итоге все закончилось не так уж плохо. После семнадцати швов и четырех рюмок абсента мистера Хавермайера увезли обратно в отель. Бада заперли в моей комнате «до скончания века» – но на самом деле его заточение закончилось уже через три недели, как только мистер Локк уехал по делам в Монреаль. Ну а мне досталась многочасовая лекция о природе гостеприимства, хороших манерах и власти.

– У власти, дорогая моя, есть особый язык. У нее есть своя география, валюта и – прости уж – цвет. Не следует принимать это близко к сердцу и возмущаться: это просто факты, и чем быстрее ты смиришься с ними, тем лучше. – В глазах мистера Локка читалась жалость. Я вышла из его кабинета, чувствуя себя ничтожной и побитой.

На следующий день Джейн исчезла на пару часов и вернулась с подарками: свиным окороком для Бада и свежим выпуском еженедельника «Сокровищница историй» для меня. Она присела в изножье жесткой, узкой кровати, на которой раньше спала Вильда.

Я хотела сказать спасибо, но вместо этого у меня вырвалось:

– С чего вдруг такая доброта?

Она улыбнулась, демонстрируя узкую озорную щелку между передними зубами.

– Потому что ты мне нравишься. И еще я не люблю, когда сильные обижают слабых.

С того дня наша судьба была решена (я люблю представлять, как усталая, умудренная годами Судьба подписывает решение о нашем будущем, убирает в конверт и запечатывает): мы с Джейн Ириму стали, можно сказать, подругами.

Два года мы обитали в укромных уголках особняка Локка: на чердаках, в забытых кладовках и заросших садах. Мы аккуратно обходили высшее общество

по самому краю, словно шпионы или мыши, прячась в тени и лишь изредка попадаясь на глаза Локку, его гостям и слугам. Джейн оставалась несколько скрытной, будто застывшей в напряженном ожидании, но теперь я хотя бы чувствовала, что мы сидим в общей клетке.

О будущем я почти не задумывалась, а если такое и случалось, это были смутные детские мечты о грандиозных приключениях в сочетании с детской же уверенностью в том, что все останется неизменным. Какое-то время так и было.

Пока накануне своего семнадцатого дня рождения я не нашла книгу в кожаном переплете, лежавшую в синем сундучке.

– Мисс Сколлер.

Я все еще стояла в Зале фараонов, сжимая в руке книгу в кожаном переплете. Бад успел заскучать, поэтому время от времени вздыхал и фыркал. Невыразительный голос мистера Стерлинга заставил нас обоих вздрогнуть от неожиданности.

– О, я не… Добрый вечер.

Я повернулась к нему, спрятав книгу за спину. У меня не было особых причин прятать от него потрепанный роман, но в этой книге мне виделось нечто живое и волшебное, мистер Стерлинг же был полной противоположностью живости и волшебства в человеческом облике. Он моргнул, перевел взгляд на открытый сундук, стоящий на пьедестале, а потом едва заметно склонил голову набок.

– Мистер Локк просит вас явиться в его кабинет. – Он потянул время, и по его лицу пробежала какая-то тень. Я бы предположила, что это страх, если бы мистер Стерлинг был физически способен выражать хоть какие-то чувства, кроме вежливого внимания. – Немедля.

Я вышла из Зала фараонов вслед за ним. Когти Бада клацали по полу у меня за спиной. Я спрятала «Десять тысяч дверей» под юбку, кожей чувствуя тепло и вес книги. «Словно щит», – подумала я. Странно, что эта мысль показалась мне такой утешительной.

Кабинет мистера Локка, как всегда, пах сигарным дымом, дорогой кожей и крепкими напитками из тех, которые держат в буфете в хрустальных графинах. Сам мистер Локк тоже выглядел как обычно: весь из прямых линий, нестареющий, будто бы он сознательно отвергал этот процесс как пустую трату драгоценного времени. Сколько я себя помнила, у него на висках серебрилась легкая седина, придававшая ему почтенный вид. В отличие от моего отца – в последний его приезд я заметила, что его голова стала почти полностью пепельной.

Когда я вошла, мистер Локк перевел взгляд на меня. Перед ним лежала стопка грязных потертых конвертов. Его глаза были серыми, как могильные камни, и серьезными, как никогда сосредоточенными на мне.

– Оставьте нас, Стерлинг.

Камердинер покинул комнату, дверь закрылась за ним со звонким щелчком. У меня в груди что-то затрепетало, словно крылья птицы.

– Присядь, Январри.

Я села на тот же стул, что и всегда, а Бад не очень успешно забился под него.

– Простите, что привела Бада, сэр, просто Стерлинг сказал, что это срочно, и я не стала заходить к себе в комнату…

– Ничего страшного.

Паническое трепетание в груди усилилось. Бада не пускали в кабинет мистера Локка (а также в машины, поезда и столовые) с того самого праздника по случаю собрания Общества два года назад. При виде него мистер Локк обычно не мог удержаться от лекции о невоспитанных животных и их безответственных владельцах или, в лучшем случае, недовольно фыркал себе под нос.

Теперь мистер Локк подвигал челюстью, как будто хотел разжевать и смягчить то, что собирался произнести.

– Это касается твоего отца.

Я почувствовала, что мне тяжело смотреть на мистера Локка, поэтому уставилась на витрину у него на столе с латунной табличкой: «Револьвер Энфилд, Марк I, 1879».

– Как тебе известно, последние несколько недель он находился на Дальнем Востоке.

Отец сказал, что выйдет из порта Манилы и продолжит путь, перебираясь с острова на остров, пока не достигнет Японии. Он обещал писать как можно чаще. Я уже много недель ничего от него не получала.

Следующее предложение мистер Локк разжевал еще более тщательно.

– Его отчеты из этой экспедиции поступали редко. В смысле реже, чем обычно. Но в последнее время они… совсем прекратились. Последнее письмо пришло в апреле.

Теперь он смотрел на меня внимательно и выжидающе, как будто все это время напевал мелодию, а теперь остановился и рассчитывал, словно я допою ее за него. Как будто я должна заранее знать, что он скажет дальше.

Я продолжала смотреть на револьвер, темный, начищенный, с квадратным дулом. Горячее дыхание Бада касалось моих ног.

– Январри, ты меня слушаешь? От твоего отца нет писем уже почти три месяца. Я получил телеграмму от другого члена экспедиции: никто не видел его и не получал от него вестей. Его лагерь на склоне горы обнаружили брошенным и разоренным.

Птица у меня в груди принялась царапаться и бить крыльями в неописуемом ужасе. Я сидела совершенно неподвижно.

– Январри. Он пропал. Судя по всему… – Мистер Локк коротко и резко вздохнул. – Вполне вероятно, что твой отец мертв.

Я сидела на своем узком матрасе и смотрела, как нежный сливочный свет солнца ползет по моему розово-золотому одеялу. Вата, торчащая из дыр, и выбившиеся нитки образовывали тени и рельеф, напоминая архитектуру какого-то незнакомого города. Бад прижался к моей спине, несмотря на жару, и время от времени издавал тихие грудные звуки, похожие на щенячий скулеж. От него пахло летом и свежескошенной травой.

Сначала я не хотела верить. Я выла, кричала, требовала, чтобы мистер Локк взял свои слова назад или привел доказательства. На моих ладонях остались розовые полумесяцы – следы ногтей, которые я вонзала в кожу, стараясь сдержать свой гнев и не расколотить все стеклянные витрины в кабинете на тысячи блестящих осколков.

Наконец я почувствовала, как тяжелые, как плиты, руки легли мне на плечи, придавливая к земле.

– Довольно, дитя мое. – Я посмотрела в его глаза, бледные и неумолимые, и мое упорство рассыпалось в прах. – Джулиан мертв. Смирись с этим.

И я смирилась. Я повисла на шее у Локка, заливая слезами его рубашку. Его грубоватый голос раздался у меня над ухом:

– Ничего, девочка. У тебя остался я.

Теперь я сидела в своей комнате с опухшим лицом и сухими глазами, готовая вот-вот сорваться в пропасть боли, такую огромную, что не видно дна. Она могла поглотить меня целиком, если бы я только позволила.

Я вспомнила последнюю открытку, которую получила от отца. На ней были изображены берег моря и несколько суровых с виду женщин. Надпись гласила: «РЫБАЧКИ СУГАШИМЫ». Я попыталась представить самого отца, но перед глазами сразу встала картина: вот он уходит от меня, усталый и ссутуленный, и исчезает за дверью – ужасной дверью, из-за которой нет возврата.

«Ты же обещал, что однажды возьмешь меня с собой».

Мне снова захотелось закричать. Сдерживаемый крик царапал горло. Мне казалось, меня вот-вот вырвет. Мне хотелось сорваться с места и бежать, бежать, пока я не попаду в иной, лучший мир.

И тогда я вспомнила о книге. Может, мистер Локк подарил мне ее именно для этого момента, зная, как сильно мне нужно будет утешение.

Я достала книгу из-под юбки и провела пальцем по тисненому названию. Она открылась передо мной, как маленькая Дверь в кожаной обивке на петлях из клея и вощеной нити.

И я вбежала в нее.

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ДВЕРЕЙ:

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОХОДОВ, ПОРТАЛОВ И ДВЕРЕЙ

В МИРОВОЙ МИФОЛОГИИ

Эту работу выполнил Йуль Ян Ученый для Университета Города Нин в период с 6908 по ____ год в качестве частичного подтверждения Учености.

Данная монография рас сма тривает преобразования повторяющегося мотива в мировых мифологиях: проходы, порталы, двери. На первый взгляд, в подобном исследовании можно усмотреть грехи, присущие множеству академических трудов, – фривольность и тривиальность, – однако автор полагает своей целью продемонстрировать важность дверных проемов как феноменологических реалий. Потенциальный вклад в другие дисциплины – граммалогию, глоттологию, антропологию – представляется огромным, однако автор позволит себе высказать амбициозное предположение о том, что данное исследование уходит далеко за рамки современного научного знания. На самом деле эта работа способна в корне изменить наше коллективное понимание физических законов вселенной.

Моя основная гипотеза такова: проходы, порталы и двери, упоминаемые во всех мифологиях, имеют в основе физические аномалии, которые позволяют индивидам совершать путешествия из одного мира в другой. Или, говоря простым языком: эти двери существуют на самом деле.

Ниже я приведу обширную доказательную базу для подтверждения данной гипотезы, снабженную теориями, касающимися природы, происхождения и предназначения дверей. Ключевыми являются следующие положения:

I. Двери представляют собой междумировые порталы, существующие только в точках особого, не поддающегося определению резонанса (то, что физико-философы называют «слабым сопряжением» между вселенными). Хотя рукотворные конструкции – дверные проемы, арки, занавеси и так далее – могут окружать дверь, естественное явление во всех случаях возникает раньше, чем его оформление. По физическим или антропологическим причинам обнаружение данных порталов представляет огромную сложность.

II. Существование таких порталов обусловливает некоторую степень утечки: материя и энергия свободно перемещаются через них, так же как люди, иные существа, музыка, изобретения, идеи – короче говоря, все то, что порождает мифологии. Если проследить за историями, в основе почти любой из них можно обнаружить дверь[2 - Ранее ученые достигли успехов в сборе и документировании подобных историй, но совершили ошибку, не поверив в них, и таким образом упустили единственный артефакт, связующий воедино каждый миф: дверь.См. Джеймс Фрэзер. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Второе издание (Лондон: Макмиллан и Ко. Лимитед, 1900).].

III. Вышеупомянутая утечка и порожденные ею сюжеты всегда были и остаются важным элементом в культурном, интеллектуальном, политическом и экономическом развитии человечества во всех мирах. В биологии двигателями эволюции являются мутации генов и изменения окружающей среды. Двери впускают в мир перемены. Перемены же, в свою очередь, порождают все остальное: революции, сопротивление, борьбу за права, восстания, изобретения, коллапс, реформы – иными словами, все жизненно необходимые компоненты человеческой истории.

IV. Двери, как все наиболее ценные вещи, отличаются хрупкостью. Автору не удалось обнаружить ни одного способа заново открыть ранее закрытую дверь.

Свидетельства, подкрепляющие положения I–IV, подразделены на восемнадцать категорий, представленных ниже в виде…

По крайней мере, такую книгу я намеревался написать, когда был молод и самоуверен.

Я мечтал о неоспоримых доказательствах, научном признании, публикациях и лекциях. У меня накопилось множество ящиков, заполненных пронумерованными карточками, каждая из которых представляет собой маленький кирпичик в огромной стене моего исследования: индонезийская легенда о золотом древе, чьи ветви образовывали сияющую арку; кельтский гимн, в котором упомянуты ангелы, пролетающие через врата рая; воспоминание о Мали, где стоит резная дверь, присыпанная песком, почерневшая от секретов, которые хранила веками.

Но такой книги у меня не вышло.

Вместо этого я написал нечто странное, глубоко личное и крайне субъективное. Я ученый, исследующий собственную душу; змея, кусающая себя за хвост.

Но даже если бы я смог укротить свои порывы и написать что-то научное, боюсь, это не имело бы значения, ведь кто воспримет всерьез мои утверждения без неопровержимых доказательств? Доказательств, которые я не могу представить, поскольку они исчезают почти сразу после того, как я их обнаруживаю. За мной по пятам ползет туман. Он стирает мои следы и уничтожает все материальные подтверждения. Он закрывает двери.

Поэтому книгу, которую читатель держит в руках, нельзя отнести к числу научных работ. Она не вычитана редактором и содержит мало научно проверяемых фактов. Это просто рассказ.

Но я все равно ее написал. На это есть две причины.

Во-первых, все, что написано, существует в действительности. Слова и их значения имеют вес в материальном мире, они творят и преображают реальность в древнейшем акте волшебства. Возможно, даже мой собственный

текст – отвратительно бессильный в своей сути – способен дотянуться до нужного человека, рассказать такую нужную правду и изменить природу происходящего.

Во-вторых, долгие годы исследований убедили меня, что любая история, даже самая грубая народная сказка, имеет значение. Истории – это артефакты и палимпсесты, загадки и хроники. Красные нити, которые могут вывести нас из лаби ринта.

Я надеюсь, что моя история станет для читателя такой нитью и что на конце этой нити его будет ждать дверь.

Глава первая,

в которой мы знакомимся с мисс Аделаидой Ли Ларсон и повлиявшими на нее событиями

Ее происхождение и ранняя жизнь. Открытие двери. Закрытие двери. След, оставленный в душе юной девочки.

Мисс Аделаида Ли Ларсон родилась в 1866 году.

Мир только начал нашептывать себе под нос слово «прогресс» заодно с такими словами, как «порядок» и «свободная торговля». Железные дороги и телеграфные линии тянулись через границы, как длинные цепочки стежков; империи стремились отхватить по кусочку африканского побережья; хлопчатобумажные фабрики бурлили и гудели, затягивая в свое нутро ссутуленных рабочих и выдыхая густой дым.

Но другие, старые слова, такие как «хаос» и «революция», все еще оставались где-то на полях. Европейские восстания 1848 года еще висели в воздухе, как пороховой дым; индийские сипаи[3 - Сипаи – наемные солдаты в колониальной Индии, рекрутировавшиеся европейскими колонизаторами. – Примеч. ред.] еще

чувствовали во рту привкус слова «бунт»; женщины перешептывались и объединялись, шили знамена и печатали памфлеты; освобожденные рабы стояли, сбросив оковы, в лучах кровавого рассвета новой нации. Короче говоря, налицо были симптомы мира, полного открытых дверей.

Но семейство Ларсонов совершенно не интересовалось жизнью большого мира, а большой мир вежливо отвечал взаимностью. Их ферма располагалась в небольшой зеленой лощине в самом центре страны, как раз там, где находилось бы сердце этой земли, если бы она была телом живого существа. Обе армии времен Гражданской войны не удостоили эту ферму вниманием, когда проходили мимо. Семейство выращивало достаточно кукурузы, чтобы прокормить себя и четырех молочных коров, заготавливало достаточно конопли, чтобы продавать пеньку на хлопковые фабрики, располагавшиеся ниже по реке, и успевало засолить достаточно мяса, чтобы к весне у домочадцев не начали шататься зубы. Их интересы не выходили за пределы принадлежавших им семи акров, а политические взгляды сводились к поговорке, которую любила повторять Мама Ларсон: «Богач творит как хочет». В 1860 году молодой Ли Ларсон в приступе патриотизма отправился в город, чтобы отдать свой голос за Джона Белла, а потом выяснилось, что последний проиграл не только мистеру Линкольну, но также Дугласу и Брекенриджу. Это происшествие в очередной раз убедило клан Ларсонов в том, что политиканство – лишь предлог, выдуманный, дабы отвлекать рабочий люд от дела.

Во всем этом Ларсоны совершенно не отличались от своих соседей. Сомневаюсь, что до меня какой-нибудь биограф, хроникер или даже местный журналист хотя бы раз упомянул их имена в печатном тексте. Во время написания этой книги я попытался взять несколько интервью, но на меня смотрели с недоверием, и разговор не задавался. Это было все равно что допрашивать скворца или белохвостого оленя.

Но у Ларсонов имелась одна необычная особенность: к моменту, когда родилась Аделаида Ли, все оставшиеся в живых члены семьи были женского пола. По причине невезения, сердечной недостаточности и простой трусости их мужья и сыновья оставили на произвол судьбы нескольких женщин с волевыми подбородками, которые с виду так походили друг на друга, что вполне могли быть одной и той же женщиной в разные периоды жизни.

Ли Ларсон ушел последним. С присущей ему несвоевременностью он отправился на юг вступать в ополчение лишь тогда, когда Конфедерация уже была на

последнем издыхании. Его молодая жена – бесцветная девушка из соседнего округа – осталась на ферме ждать новостей. Новости не пришли. Вместо них семнадцать недель спустя, в ночи, объявился сам Ли Ларсон в потрепанной форме и с кусочком свинца в левой ягодице. Через четыре дня он снова ушел, направляясь на запад с затравленным выражением на лице. Но этих дней хватило, чтобы зачать жене ребенка.

Аделаиде Ли было три года, когда ее мать не смогла больше противостоять чахотке и меланхолии и окончательно угасла. С тех пор девочку воспитывали бабушка и четыре тетки.

Так и получилось, что Аделаида Ли родилась в горе и бедности, а выросла в невежестве и одиночестве. Пусть эта история о низком происхождении наглядно продемонстрирует: то, откуда человек начинает, необязательно предопределяет то, каков будет конец его истории. Аделаида Ли с возрастом не превратилась в еще одну типичную бледную женщину из рода Ларсонов[4 - Ученые утверждают (Клаус Бергнон, «Эссе о судьбе и праве крови в средневековой литературе», отправленное Американскому антикварному обществу, 1872), что значимость кровных уз и происхождения является повторяющимся мотивом во многих сказках, мифах и легендах.]. Она стала совершенно иным существом, таким сияющим, диким и необузданным, что ей оказалось мало места в одном мире и она была вынуждена найти другие миры.

Имя Аделаида – очаровательное женственное имя, доставшееся ей в наследство от прапрабабки с французско-немецкими корнями, такой же бес цветной и полупрозрачной, как мать самой Аделаиды, – было обречено изначально. Не потому, что сама девочка имела что-то против; просто это имя скатывалось с нее, как вода с жестяной кровли. Оно подошло бы хрупкой девочке, которая читает молитвы перед сном, держит одежду в чистоте и смиренно опускает взгляд, когда с ней говорят старшие. Это имя совершенно не годилось для тощей, неряшливой дикарки, которая теперь жила в доме Ларсонов, словно пленный во вражеском лагере.

К пятому дню рождения все в доме, кроме тетушки Лиззи, которую никакая сила не могла бы заставить изменить своим привычкам, признали поражение и стали называть девочку Ади. Это имя звучало короче и жестче и намного лучше подходило для окриков и упреков. В итоге оно к ней прицепилось, хотя упреки продолжали пролетать мимо ушей.

Ади провела все детство, исследуя семейные семь акров вдоль и поперек, как будто уронила в траве что-то ценное и надеялась отыскать. Или, скорее, как собака, которая рвется с короткого поводка. Она знала эту землю так, как может знать только ребенок. Она изучила ее в мельчайших подробностях и в буйстве воображения – немногие взрослые на это способны. Она знала, в каком месте молния попала в платан, образовав укромную расщелину, и где бледные шляпки грибов образуют «ведьмины кольца», и где на ручье можно увидеть, как блестит под водой «золото дураков» – блестящий минерал пирит.

Особенно хорошо она изучила каждую доску и балку в полуразрушенном доме, стоявшем на узкой полоске сенокоса, которая раньше принадлежала другому семейству, на дальней окраине фермы. Когда Ларсоны купили ферму, дом уже стоял заброшенным и продолжал разваливаться в последующие годы, оседая в землю, как некое доисторическое существо, увязшее в яме с дегтем. Но для Ади он мог стать чем угодно: старым замком, фортом разведчиков, пиратской обителью или логовом ведьмы.

Поскольку дом стоял на их участке, бабка и тетушки не запрещали ей играть в нем. Но всякий раз, когда она возвращалась, пропахшая сосновой смолой и трухой, они обращали на нее пристальные взгляды, пугали страшилками про старый дом («Там живут призраки, знаешь ли, это всем известно»!) и предупреждали о том, какая судьба грозит любителям бродить невесть где.

– Твой отец любил бродить, – мрачно кивала бабушка, – и глянь, как все обернулось.

Ади постоянно слышала напоминания о судьбе отца: брошенная жена, дочь-сирота, и все из-за того, что ему не сиделось смирно. Но на девочку такие предупреждения не действовали. Да, отец бросил их, в этом не было сомнений, но зато ему довелось увидеть любовь, войну и, может, какой-то иной, пьянящий мир за пределами фермы. За такое приключение не жаль заплатить любую цену.

(Подозреваю, что жизнь Ли Ларсона определялась скорее импульсивностью и трусостью, чем страстью к приключениям, но всякой дочери необходимо видеть хоть что-то хорошее в отце. Особенно если его нет рядом.)

Временами Ади отправлялась бродить с определенной целью, например, она спряталась в поезде Центральной железной дороги Иллинойса и успела доехать

до Падуки, прежде чем ее поймал контролер; а иногда она двигалась вперед ради самого процесса движения, как птицы. Ади целыми днями бродила по берегу реки, глядя на проходившие мимо суда в клубах пара. Порой она воображала себя членом экипажа, который стоит на палубе, опираясь на леер; но чаще представляла, что сама стала пароходом, созданным для того, чтобы прибывать куда-то и снова отправляться в путь.

Если бы мы отметили на карте ее детские экспедиции, представили ее открытия и цели в топографической форме и прочертили ее извилистый путь между ними, мы бы увидели девочку, которая пытается пройти лабиринт изнутри наружу; минотавра, который пытается выбраться на свободу.

К пятнадцати годам это хождение по кругу начало сводить ее с ума, а однообразие навевало тоску. Может, в итоге она бы замкнулась в себе, сломленная тяжестью окружавшего ее невидимого лабиринта, но ее спасло одно событие, настолько странное, что обычной жизни ей стало недостаточно: Ади убедилась в существовании сверхъестественного, встретив призрака на заброшенном сенокосе.

Это случилось ранней осенью, когда высокие травы в поле выгорели до рыжевато-розового оттенка, а карканье ворон отчетливо разносилось в прозрачном воздухе. Ади по-прежнему часто заглядывала в старый дом на окраине фермы, хотя и выросла из своих игр. В день встречи с призраком Ади намеревалась пролезть вверх по печной трубе и выбраться на крышу, чтобы полюбоваться беспорядочным полетом скворцов.

Подходя к полуразрушенному дому, она заметила какую-то темную фигуру и остановилась. Вне всякого сомнения, тетушки велели бы ей тут же развернуться и поспешить домой. Эта фигура могла быть либо незнакомцем – а встреч с незнакомцами следовало избегать любой ценой, – либо привидением, и это ничуть не лучше незнакомца.

Но Ади почувствовала, что ее тянет вперед, как стрелку компаса на север.

– Эй, там! – окликнула она.

Силуэт шевельнулся. Тонкий и длинный, он казался мальчишеским даже с большого расстояния. Незнакомец прокричал что-то в ответ, но слова

прозвучали неразборчиво.

– Простите, что? – снова крикнула Ади, ведь хорошие манеры важны даже при общении с незнакомцами и призраками. В ответ ей раздалась еще одна цепочка бессмысленных звуков.

Теперь Ади подошла уже достаточно близко, чтобы разглядеть его как следует. Возможно, ей все же стоило развернуться и побежать домой: кожа незнакомца оказалась густого красновато-черного оттенка, которому Ади не могла подобрать название.

Семейство Ларсонов обходилось без подписки на газеты, поскольку все нужные новости они узнавали в церкви, но иногда Ади удавалось стянуть чужие, уже прочитанные выпуски. Следовательно, она усвоила, что чернокожие незнакомцы опасны: видела статьи с описаниями их преступлений и рисунки, изображающие их тягу к невинным белым женщинам. На этих картинках мужчины напоминали чудовищ в рваных лохмотьях, с волосатыми руками и дурацкими выражениями лиц. Но мальчик, стоявший в поле, был не похож на рисунки в газетах: совсем юный – ровесник Ади или даже чуть младше, – длинноногий, с гладкой кожей. Его одежда представляла собой странную конструкцию из сукна, обернутого и задрапированного вокруг него, ниспадающего замысловатыми складками. Казалось, он стянул где-то корабельный парус и замотался в него. Черты его лица были тонкими и изящными, а глаза – ясными и темными.

Незнакомец снова заговорил. Теперь набор длинных слов звучал почти как вопросы. Наверное, это какой-то адский диалект, известный лишь демонам и призракам. Потом его слова вдруг изменились, будто щелкнул рычажок, и наполнились знакомыми звуками.

– Простите, госпожа, вы меня слышите? – Его акцент был ужасно странным, но голос звучал мягко, даже ласково, как будто он боялся спугнуть ее.

В это мгновение Ади решила, что тетя Лиззи права: газеты не стоят бумаги, на которой напечатаны. Этот завернутый в простыню мальчик с испуганным взглядом и ласковым голосом не мог представлять для нее угрозы.

– Я тебя понимаю, – ответила она.

Незнакомец подошел ближе, с сомнением и изумлением глядя на нее. Он погладил колоски и как будто удивился тому, как они покалывали кожу. Потом его рука поднялась выше. Бледная ладонь коснулась щеки Ади. Оба вздрогнули, как будто ни один из них не ожидал, что второй окажется осязаем.

Мягкость его голоса, искренность удивления, хрупкость тонких рук с длинными пальцами убедили Ади, что ей нечего опасаться.

– Кто ты? Откуда ты взялся?

Если это и был призрак, то какой-то потерянный и нерешительный.

Незнакомец помедлил, словно искал нужные слова на дальней полке в пыльной кладовой.

– Я… из другого места. Не отсюда. Я пришел через дверь в стене. – Он показал на полуразрушенный дом с просевшей входной дверью, которая давным-давно застряла в проеме, и Ади всегда забиралась в дом через окно. Теперь же дверь была приоткрыта. В узкую щель как раз мог бы пролезть худенький мальчишка.

Ади была достаточно разумной девочкой, чтобы понимать: с незнакомыми, завернутыми в простыню мальчишками, которые пробираются к тебе на ферму, утверждая, что попали сюда из другого места, нужно вести себя поосторожнее. Он либо сошел с ума, либо врал, и, так или иначе, тратить на него время не стоило. Однако при звуке его голоса у нее в груди вздрогнуло что-то, опасно напоминающее надежду. Надежду на то, что все это – правда.

– Ладно. – Она отступила на пару шагов и развернула над жесткими стеблями травы свое фланелевое покрывало, красно-белой расцветкой похожее на цирковой шатер. Ади примяла его и села, указывая на место рядом с собой.

Мальчик снова посмотрел на нее с очаровательным удивлением, потирая голые руки в попытке прогнать осеннюю прохладу.

– Видать, у вас в другом месте намного теплее, а? Вот, возьми. – Ади сняла с себя грубое холщовое пальтишко, которое столько раз переходило из поколения в поколение, что давно потеряло цвет и форму, и вручила его мальчику.

Тот натянул рукава на руки, будто зверек, которому зачем-то предложили надеть вторую шкуру. Ади была уверена, что он впервые в жизни видит пальто, и в то же время не понимала, как это возможно.

– Ну же, призрак, садись и рассказывай. Расскажи мне про это другое место.

Мальчик уставился на нее.

Я позволю себе небольшое отступление и опишу эту сцену с точки зрения самого мальчика. Только что он находился в месте, совершенно непохожем на заброшенный сенокос, где теперь оказался. Еще не успев привыкнуть к незнакомому солнцу, он увидел девушку, подобных которой не встречал никогда в жизни. Она подошла к нему широким шагом; ее платье с темными пуговицами шуршало, задевая траву, а спутанные волосы цвета озимой пшеницы покрывала широкополая шляпа. И теперь эта девушка сидела у его ног и смотрела снизу вверх ясными, немного озорными глазами, и он был готов сделать все, о чем бы она ни попросила.

Поэтому мальчик сел рядом и рассказал ей о другом месте.

Другое место было царством морской соли и ветра. Город, или даже страна, или даже мир (он пока еще не очень точно подбирал слова), где люди жили в каменных домах и носили длинные белые одежды. Мирный город, богатеющий благодаря торговле на побережье и славящийся словесным мастерством.

– У вас в городе много писателей? – Она произнесла слово, которое было ему незнакомо. – Ну, людей, которые пишут книги. Такие длинные скучные штуки про несуществующих людей.

На лице мальчика отразилось выражение глубочайшей сосредоточенности.

– Нет, нет. Слова.

Спотыкаясь в каждом предложении, он снова попытался объяснить природу написанного слова и мироустройства, относительную густоту чернил и крови, важность языков и их тщательного изучения. Но, учитывая его ограниченный словарный запас и ее склонность то и дело заливаться смехом, далеко они не

продвинулись. В итоге он сдался и сам начал задавать вопросы о ее мире.

Она старалась отвечать как можно подробнее, но затворническая жизнь на ферме ограничивала ее знания. О ближайшем городе Ади знала совсем немного, а о мире в целом – только то, что почерпнула из двух лет обучения в школе, где все сидели в одном большом классе.

– У вас-то, наверное, все намного интереснее. Расскажи мне про океан. Ты умеешь ходить под парусом? Тебе много доводилось путешествовать?

Он начал рассказывать, она слушала, а тем временем на землю опускались сумерки, накрывая их, словно крыло огромной птицы. Ади заметила, что дневные звуки затихают и в воздухе разносятся ритмичные трели ночных птиц, и поняла, что ей давно пора домой, но не могла даже отвернуться. Она словно стала невесомой и парила в каком-то ином месте, где можно верить в призраков, волшебство, другие миры. И в этого мальчика, чьи руки быстро мелькали в полумраке.

– У нас дома никто не выглядит так, как ты. Куда делась твоя кожа? С тобой что-то случилось? Ты… Что… – Речь мальчика превратилась в череду восклицаний. Ади подозревала, что их можно перевести как «Что это, черт возьми, такое?» Он повертелся на месте, окидывая взглядом потемневшее поле.

– Это светлячки, призрак. Одни из последних в этом году. У вас по другую сторону двери таких нет?

– Светлячков? Нет. А для чего они?

– Ни для чего. Разве что для того, чтобы напомнить: уже темно и тебе здорово влетит, если живо не явишься домой. – Ади вздохнула. – Мне пора.

Мальчик уставился на вечерние звезды, которые сияли у них над головами, и в их ярком свете чудился немой укор. Еще одна цепочка слов, которую Ади без труда расшифровала:

– Мне тоже пора.

Он встретился с ней взглядом. Его темные глаза блестели.

– Но ты вернешься?

– Ох, черт, в воскресенье-то? После того, как я гуляла весь день допоздна? Мне повезет, если меня не запрут в сарае до самого Рождества.

Мальчик явно понял далеко не все в этом предложении, но продолжил настаивать, и в итоге они условились: через три дня они оба вернутся сюда.

– Я отведу тебя к себе, и ты поверишь.

– Как скажешь, призрак.

Мальчик улыбнулся. У него было такое окрыленное и восхищенное выражение лица, будто не было на свете ничего лучше, чем увидеться с ней в этом поле через три дня. Ади почувствовала, что ей ничего не остается, кроме как поцеловать его. Поцелуй вышел неловким – короткое прикосновение, к тому же она едва не промахнулась мимо его губ. Но после этого их сердца внезапно забились чаще, кожу начало приятно покалывать, а руки задрожали – пожалуй, это оказалась не самая плохая попытка.

Ади упорхнула в вихре из юбки и красного одеяла, а мальчик лишь через несколько минут вспомнил, где он находится и куда должен идти.

Дома Мама Ларсон встретила Ади тирадой о судьбе девочек, которые шляются по улицам допоздна, и о том, как она напугала и растревожила своих тетушек (тут тетя Лиззи встряла, чтобы заметить, мол, сама она только злилась, а не тревожилась, так что пускай Мама Ларсон говорит за себя), и о неизбежном упадке женственности в стране.

– И где же твое пальто, глупое дитя?

Ади задумалась.

– В другом месте, – наконец ответила она и вспорхнула по лестнице.

Как выяснилось, вытерпеть еженедельный воскресный ритуал посещения церкви несколько проще, если хранишь прекрасный и невероятный секрет, который сияет у тебя внутри, словно фонарь. Жители городка – точнее не столько городка, сколько таких же далеких и отрезанных от мира ферм, как хозяйство Ларсонов, – собиравшиеся вместе только на аукционы, похороны и службы, прошаркали к своим скамьям с теми же унылыми выражениями лиц, что и каждую неделю, и Ади почувствовала: на этот раз она приятно отличается от всех них. Проповедь, которую читал пастор Макдауэл, обтекала ее, как речная вода камень.

Семейство Ларсонов всегда сидело на третьем ряду с конца, поскольку Мама Ларсон считала, что сидеть впереди сродни высокомерию, а совсем уж сзади – невежливости. А еще всем им нравилось испытывать чувство собственного превосходства, видя, как опоздавшие прихожане протискиваются в церковь и садятся на последний ряд, стыдливо понурив головы. В это воскресенье последний ряд занимали краснолицые представители семейства Булеров и мальчишка Хэнсон, которому было уже за сорок, но его продолжали называть мальчишкой, потому что на войне он растерял последние мозги. Но в самом конце проповеди – это стало понять по тому, что пастор заговорил громче и принялся потеть еще обильнее, – какой-то незнакомец вошел в церковь и присел на второй с конца ряд.

Ади мало знала о внешнем мире, но с уверенностью могла сказать – этот человек явился оттуда. Все в нем говорило о любви к четкости и порядку. Его шерстяное пальто было короткого и строгого кроя. Из-под него выглядывали черные отглаженные брюки. Седеющие усы были подстрижены с хирургической точностью. По церкви пронеслось едва слышное шуршание, когда все прихожане разом попытались незаметно оглянуться на незнакомца.

Служба закончилась, и люди обступили чужака. Некоторые из семейств, сидевших на первом ряду, взяли на себя смелость заговорить с ним и представиться. Они надеялись, он получил удовольствие от скромной службы (хотя Ади глубоко сомневалась, что пастор Макдауэл стремился доставить кому-то удовольствие), и спрашивали, по каким делам он приехал в эти края. Может, у него тут родня? Или он занимается торговлей на реке?

– Благодарю вас, господа, но нет, речные суда меня не интересуют. Должен признаться, меня больше привлекает земля, и я присматриваю себе участок. –

Его голос разнесся над головами прихожан, звучный, слегка гнусавый, с неместным акцентом. Мама Ларсон, стоявшая рядом с Ади, тихо фыркнула. Под церковной крышей не положено было повышать голос.

– В Мейфилде я услышал, что где-то здесь есть недорогой участок – говорят, там водятся привидения и он стоит заброшенный, – поэтому я решил воспользоваться возможностью обратиться к вам, гос пода.

По толпе прокатилась зыбь, и все отстранились от незнакомца. Вероятно, подумала Ади, им не очень понравилось, что северянин из большого города вломился в их церковь, желая уговорить кого-нибудь продать землю по дешевке. Они жили недостаточно далеко на юге, чтобы своими глазами повидать спекулянтов, но были знакомы с ними по уродливым картинкам в воскресных газетах и умели их распознать. Судя по тону их приглушенных ответов, Ади догадалась: они не хотят ничего продавать («Нет, сэр, здесь никаких участков нет, поищите в другом месте»).

Толпа начала рассасываться, и Ади побрела вслед за тетушками к проходу. Невозмутимый незнакомец продолжал улыбаться всем с благожелательной снисходительностью. Ади остановилась.

– У нас на ферме есть дом, всем известно, что там полно призраков, – одного я как раз вчера видела. Но участок не продается, – заявила она.

Ади сама не знала, зачем сказала это. Разве что ей хотелось сбить с незнакомца спесь и доказать: они не какие-нибудь нищие деревенские невежды, готовые продать участок за полцены из-за глупых суеверий. И еще, пожалуй, виновато было любопытство: ее влекли необычность этого человека и его принадлежность к внешнему миру.

– О, неужели. – Незнакомец улыбнулся, видимо, полагая, что это придает ему очарования, и наклонился поближе к ней. – В таком случае позвольте мне проводить вас к выходу. – Рука Ади оказалась в плену у незнакомца, а ноги вынуждены были поспевать за его шагами. Тетушки уже вышли на улицу и наверняка стояли у входа, обмахиваясь и сплетничая. – И какова же природа этих призраков? Что именно вы видели?

Но Ади уже потеряла всякое желание говорить. Она высвободила руку, пожала плечами с угрюмым видом, присущим подросткам, и ушла бы, так и не ответив, однако в последний момент встретилась с незнакомцем взглядом. Его глаза цветом напоминали луну или серебряную монету – неописуемо холодные, но в то же время влекущие, будто те обладали собственной силой притяжения.

Даже много лет спустя, лежа рядом со мной в теплых лучах вечернего солнца, Ади слегка вздрогнула, описывая этот взгляд.

– Расскажите мне все, – выдохнул незнакомец.

И Ади рассказала.

– Ну, я просто пошла к старому дому без особой цели, а там стоял мальчик-призрак. По крайней мере, так я думала поначалу, потому что он был чернокожий, в странной одежде и говорил тоже странно. Но оказалось, он вовсе не из ада. Не знаю точно, откуда именно он явился, но пришел он через дверь старого дома. И я рада, что он пришел. Он мне понравился, его руки… – Она резко закрыла рот, отшатнувшись и тяжело дыша.

Не слишком очаровательная улыбка снова сверкнула на лице незнакомца, когда он заговорил, только теперь в ней появилось что-то хищное.

– Спасибо вам большое, мисс?..

– Аделаида Ли Ларсон. – Она сглотнула, потом заморгала. – Прошу прощения, сэр, меня зовут тетушки.

Ади выбежала в дверь церкви, не оглядываясь на незнакомца в строгом костюме, но затылком чувствуя его взгляд – холодный, как десятицентовые монетки.

Поскольку ее тетушки отличались мягкосердечием, Ади всегда наказывали одинаково: на ближайшие два дня ей запретили покидать комнату на чердаке, в которой спало все семейство (кроме Мамы Ларсон, которая не столько спала, сколько дремала, пристроившись где-нибудь на первом этаже). Ади переносила свое заключение с большим трудом – все это время тетушкам приходилось

терпеть топот и грохот над головой, будто в их доме поселилось крайне гнусное привидение, – но без особого сопротивления. Она решила, что следует усыпить бдительность родных, чтобы вечером третьего дня было проще вылезти через окно и спуститься по лозе жимолости.

В понедельник ей вручили корзину свежевыстиранного белья, которое нужно было сложить, и несколько стопок рваного исподнего для штопки, поскольку тетушка Лиззи считала, что пролежать в кровати целый день – это скорее награда, чем наказание, и грозилась, мол, завтра сбежит сама, чтобы ее тоже заперли наверху и дали ей отдохнуть. В обед до чердака начали доноситься ароматы жареного бекона и бобов. Ади уронила на пол Библию, требуя таким образом свою порцию.

Но никто из тетушек не пришел. Внизу прозвучал властный стук в дверь, за которым последовало изумленное молчание пяти женщин, настолько не привыкших к посетителям, что они толком и не знали, как нужно поступать, когда к тебе в дверь стучатся. Затем раздались смущенный скрип отодвигаемого стула и шарканье, а потом звук открывающейся двери. Ади легла на пол и прижалась ухом к сосновым доскам.

Она ничего не расслышала, кроме низкого, чуждого звучания мужского голоса на кухне, вокруг которого поднимались и опадали, словно стая испуганных водоплавающих, голоса пяти женщин. Один раз до чердака донесся смех, густой, гулкий и будто хорошо отрепетированный. Ади вспомнила человека из большого города, пришедшего в церковь, и ей показалось, что вокруг сгустилась странная тьма, словно над горизонтом повис страх перед чем-то безымянным.

Гость ушел, дверь закрылась, и щебет тетушек перерос в нечто похожее на кудахтанье.

Прошел час или даже больше, прежде чем тетя Лиззи принесла на чердак тарелку остывших бобов.

– Кто это приходил? – спросила Ади. Она все еще лежала на полу, обездвиженная смесью усталости и тревоги.

– Не твое дело, любопытная ты наша. Просто нам принесли хорошие новости. – Лиззи сказала это с самодовольным видом, как человек, который скрывает

какой-то огромный сюрприз. Будь это любая другая из ее тетушек, Ади, возможно, выпытала бы у нее побольше сведений, однако тетя Лиззи была подобна скале, с той разницей, что скала не высечет тебя за дерзость. Ади перевернулась на спину и уставилась на солнечные пятна, лежавшие на потолочных перекрытиях. Она задумалась о том, как может выглядеть солнце где-то в другом месте, в ином мире – и есть ли они на самом деле, эти иные миры. Рассказы юного призрака уже начали блекнуть и стираться из памяти.

Утром третьего дня Ади проснулась с тревожной тяжестью во всем теле. Ее тетушки и бабка все еще храпели и сопели, образуя бескрайнее море из одеял и женских тел. Серый рассвет подступал слишком медленно, будто с неохотой.

Ади сидела в напряжении, пока тетушки одевались, и мечтала поскорее выскочить в окно и побежать к старому сенокосу. У нее даже кости гудели и дрожали от возбуждения, а ноги постукивали по половицам. На чердаке было тесно; из-за ночного дыхания спящих в комнате стояла духота.

– Мы сегодня поедем в город, – объявила Мама Ларсон, указывая на свою парадную шляпу – огромную, белую, купленную где-то в середине века и впитавшую запах фаршированного кролика. – Но ты останешься здесь, Ади, за то, что так нас напугала.

Ади поморгала, а затем смиренно кивнула, поскольку из вежливости следовало поддержать иллюзию своего послушания.

К тому времени, как все женщины окончательно уехали – перед этим они целую вечность возились с платьями и чулками, а потом еще одна вечность ушла на то, чтобы убедить мулов встать в упряжь и начать тянуть повозку, – Ади почти трясло от желания оказаться в другом месте. Она схватила яблоко и рабочую куртку тети Лиззи и выскочила на улицу чуть ли не бегом.

У старого дома ее никто не ждал. Старого дома просто-напросто не было. Поле стало гладким, невыразительным и пустым, если не считать унылого воронья и свежего ряда железных столбов в земле.

Ади прикрыла глаза, чтобы справиться с внезапным приступом головокружения, и, спотыкаясь, побрела вперед. На месте полуразрушенного дома она обнаружила свежую гору деревянных обломков, как будто какой-то великан

сломал его, протянув руку с небес.

От двери остались только покрытые мхом щепки.

Когда она вернулась домой, в окнах уже горел свет. Мулы снова паслись на лугу, взъерошенные и вспотевшие, а из кухни доносилось самодовольное хихиканье тетушек. Смех прекратился, когда Ади открыла дверь.

Все пятеро стояли вокруг стола, любуясь стопкой ровненьких коробок в кремовую полоску, явно из магазина. Упаковочная бумага окружала их, словно блестящее облако. Щеки тетушек порозовели от какой-то тайной радости. На их лицах играли странные девчачьи улыбки.

– Аделаида Ли, где…

– Почему на нашей земле поставили столбы? – перебила ее Ади.

Теперь она заметила, что все ее родственницы одеты намного богаче, чем утром, все в бархатных лентах, даже с иноземными турнюрами под яркими юбками. Ади в своем грязном платьице, со спутанной косой, вдруг почувствовала, что их разделяет огромное расстояние, как будто они с тетушками стоят у противоположных стен просторного зала.

На ее вопрос ответила Мама Ларсон.

– Нам наконец улыбнулась удача. – Она царственным жестом указала на кухонный стол. – Этот приезжий из большого города явился к нам вчера и предложил хорошие деньги за старый сенокос. Очень хорошие деньги. – Тетушки снова захихикали. – Не было никаких причин отказываться. Он выплатил все наличными – у него карманы набиты деньгами! – и я тут же подписала бумаги. Да и к чему нам это заросшее поле? – Последние слова прозвучали так, будто их уже не раз повторили за прошедший день.

Тетя Лиззи вышла вперед с коробкой в руках.

– Ну, не дуйся, Аделаида. Знаешь, я думала отложить это до дня твоего рождения, но… – Она открыла коробку и показала Ади длинный отрез лилового хлопка. – По-моему, отлично подходит к твоим глазам.

Ади почувствовала, что не в силах произнести ни звука. Она погладила тетю Лиззи по руке, чтобы все подумали, будто племянница расчувствовалась от благодарности, и убежала наверх, пока коварные слезы не покатились по щекам.

Ади свернулась, точно зверек, в середине своей провисающей веревочной кровати. Ей казалось, что все ее тело покрыто ранами, как будто острые травы в поле изрезали ее, отсекая ту детскую часть души, которая верила в приключения и волшебство.

Она весь день прождала у руин старого дома, уже зная, что юный призрак не появится, но все равно надеясь.

Может, на самом деле и не было никакого другого места, просто она, маленькая, одинокая и глупая, от скуки выдумала для себя историю про мальчика-призрака и иной мир. Может, не существует ничего, кроме ограниченного мирка ее тетушек и бабки – настоящего, как кукурузный хлеб и грязь, и такого же скучного.

Она почти поверила в это. Однако в глубине ее души взошло какое-то новое, дикое семя, которое отказывалось принимать этот мир таким, какой он есть.

Следует заметить, что двери можно понимать по-разному: это расколы и трещины, пути между мирами, загадки и границы. Но главное, двери – это перемены[5 - Эта теория – описанная во введении как положение III – основана на десятилетиях полевых исследований, но также находит косвенное подтверждение в многочисленных работах западных ученых.Взять, к примеру, «Историю Монгалов», высоко оцененный источник, касающийся ранних исследований европейцев и описывающий путешествие Джованни Плано Карпини к монгольскому двору в 1240-х годах. Карпини утверждает, что несколькими десятилетиями ранее в татарском государстве произошли огромные перемены, которым невозможно дать никакого разумного объяснения. Он записал распространенный монгольский миф о том, как в детстве Великий Хан исчез на какое-то время. Он прошел через проклятую дверь в пещере и не

возвращался семь лет. Карпини предположил, что тот провел это время «в чужом мире» и вернулся с некой жуткой мудростью, позволившей ему завоевать Азию.Вполне вероятно, что человек не может пройти через дверь и вернуться обратно, не изменив при этом мир.]. Когда что-то проникает в мир через дверь, перемены тянутся следом, как дельфины за кораблем. Перемены уже опутали Аделаиду Ли, и она была в их власти.

Поэтому в ту ночь, лежа в постели, разбитая и потерянная, она выбрала веру. Она поверила в нечто безумное и потустороннее, в сухие губы мальчика, к которым она прикоснулась в сумерках, в существование разломов, через которые в мир проникает странное и чудесное.

И, поверив в это, Ади почувствовала, как беспорядочные сомнения юности осыпаются с ее плеч. Она стала гончей, которая вышла на след; моряком, которому после долгих скитаний вручили компас. Если двери и впрямь существуют, она отыщет их, будь их всего десяток или десять тысяч, и через них попадет в десять тысяч бескрайних других мест.

И, возможно, одна из них приведет ее в город у моря.

3

Дверь, ведущая куда угодно

Читатель, тебе известно чувство, когда ты просыпаешься в незнакомой комнате и не понимаешь, как туда попал? Какое-то время ты просто плывешь по водам безвременной неизвестности или, как Алиса, бесконечно падаешь в кроличью нору.

Почти каждое утро своей жизни я просыпалась в этой серой комнатке на третьем этаже особняка Локка. Выцветшие от солнца половицы, слишком маленький шкаф, набитый стопками книг в мягкой обложке, Бад, растянувшийся

рядом со мной, как горячая шерстяная печка, – все это было знакомо, как моя собственная кожа. И тем не менее на протяжении одной долгой секунды я не могла понять, где нахожусь.

Я не знала, почему у меня на щеках засохли соленые дорожки. Не помнила, откуда взялась болезненная пустота под ребрами, как будто ночью кто-то вырезал у меня жизненно важный орган. Я не понимала, почему мне в подбородок упирается уголок книги.

Книга была первым, что я вспомнила. Заросший сенокос. Девочка и призрак. Дверь, которая чудесным образом вела в другое место. И пугающее чувство чего-то знакомого, похожее на эхо, словно я уже слышала эту историю, но не могла вспомнить, чем все закончилось. Как такая книга попала в мой синий египетский сундучок? И кто вообще ее написал? И почему Ади Ларсон казалась мне забытой подругой детства?

(Я почувствовала, что отчаянно тянусь к этим приятным загадкам. Как будто на краю моего поля зрения пряталось еще что-то, готовое выскочить, едва я посмотрю на него.)

С кровати Джейн донеслось шуршание.

– Январри? Ты не спишь?

Ее голос прозвучал с необычной нерешительностью, даже страхом, и у меня в голове пронеслась мысль: «Она знает».

А потом: «Знает что?»

И тут я вспомнила. Папы больше нет. Огромное холодное нечто выскочило из тени и сожрало меня целиком. Все вокруг стало бесцветным, унылым и далеким. Моя сказка о приключениях и загадках вновь обернулась всего лишь книгой в потертой кожаной обложке.

Я услышала, как Джейн встает, потягивается и начинает одеваться. Смутно представляла, что она мне скажет – что-нибудь сочувственное и утешительное. Только подумать об этом было все равно что провести проволочной щеткой по

ссадине. Я зажмурилась и покрепче обняла Бада.

Потом заскрипела оконная рама, и теплый, напитанный росой ветерок взъерошил мне волосы. Джейн мягко произнесла:

– Пойдем прогуляемся, а? Утро чудесное.

Такое предложение прозвучало совершенно обычно для субботнего утра. Это был один из наших любимых ритуалов – выбраться на улицу с корзиной печенья, горой книжек и одеялом, которое насквозь пропахло травой из-за того, как часто его брали на пикники. Мысль об этом – о тишине и покое, о теплом, навевающим сонливость треске стрекоз – показалась мне тихой гаванью посреди шторма.

Благослови тебя Господь, мисс Джейн Ириму.

Я нашла в себе силы приподняться, потом встать и выполнить все свои утренние приготовления. Оказывается, стоит только начать, а дальше привычка и память сами заставят тебя двигаться в нужном направлении, как заведенные часы, которые послушно тикают, отсчитывая секунды. Я оделась как попало: чулки с несколькими дырками на пятках, простая коричневатая юбка, блузка с пионами, на несколько дюймов коротковатая мне в рукавах.

Я отмахнулась от Бада, который игриво хватал меня за ноги от нетерпения, и провела расческой по волосам, которые трещали под зубцами (раньше я питала тайную надежду на то, что по прошествии переходного возраста смогу приручить свою гриву, но нет, взросление сделало ее еще более непослушной).

К тому моменту, как мы вышли из комнаты, мне удалось достичь хрупкого и обманчивого равновесия. А потом я наткнулась на посылку, ждавшую меня в коридоре.

Это была коробка, столь необычайно белая и квадратная, что я сразу поняла: ее купили в каком-нибудь нью-йоркском бутике с вывеской, на которой название было выведено золотым курсивом, и сияющими витринами. К коробке прилагалась записка:

Моя милая девочка,

ты, возможно, чувствуешь себя неважно, но я все равно прошу тебя явиться на сегодняшний праздник. Я хочу вручить тебе подарок в честь дня твоего рождения.

Далее несколько строк были зачеркнуты. Ниже:

Я сожалею о твоей утрате.

КЛ

P. S. Причешись.

Записку написал не секретарь под диктовку Локка – ровный почерк принадлежал ему самому. Увидев эти строки, я будто снова испытала на себе тяжесть его ледяного взгляда – «Смирись», – и холодная темнота еще крепче стиснула меня в своих объятиях.

Джейн прочитала записку поверх моего плеча, и ее губы сжались в тонкую линию.

– Похоже, вечеринки в честь собрания Общества тебе не избежать.

Ежегодный праздник, которого я с ужасом ожидала уже пару недель, должен был состояться сегодня вечером. Я и забыла. Я представила, как буду пробираться через белую пьяную толпу, мимо мужчин, которые слишком громко смеются и проливают шампанское мне на туфли. А я буду мечтать лишь о том, чтобы стереть со своей кожи их сальные взгляды. Известно ли им о моем отце? Есть ли им до него дело? Записка задрожала у меня в руке.

Джейн выхватила ее у меня и спрятала в карман своей юбки.

– Забудь. Впереди еще несколько часов.

Она зацепила мою руку за свой локоть, и мы вместе спустились на два лестничных пролета, прошли через кухню, где усталые и взмокшие повара даже не заметили, как мы стащили джем, булочки и полный кофейник, а потом выбежали на гладкую лужайку возле особняка.

Сначала мы немного побродили. Прошли через сады с живой изгородью, где садовники методично уничтожали все, что выглядело слишком оживленно и естественно; вдоль неровного берега озера, где цапли, завидев Бада, подняли недовольный крик, а волны ритмично плескались. В итоге мы остановились на заросшем травой холме, который находился достаточно далеко от дома и оставался нетронутым садовыми ножницами. Перед нами, словно мятая скатерть, расстилалась вся округа.

Джейн налила себе кофе и тут же окунулась в седьмую книгу из серии про Тома Свифта (весь ее скепсис касательно низкосортного серийного чтива успел рассеяться, и она всерьез пристрастилась к нему, став еще одной жертвой порока, которым заразил меня Сэмюэль). Я ничего не стала читать, просто легла на одеяло, уставилась на мягкую скорлупу неба и позволила солнцу гладить и греть мою кожу. У меня в ушах, словно наяву, раздалось ворчание мистера Локка: «Загар тебя не украшает, девочка». Вот отцу всегда было все равно.

Я не хотела думать об отце. Я готова была думать о чем угодно, лишь бы не о нем.

– Тебе не хочется уехать? – Этот вопрос вырвался у меня раньше, чем я успела задуматься, откуда он взялся.

Джейн положила раскрытую книгу на одеяло страницами вниз и внимательно посмотрела на меня.

– Откуда уехать?

– Ну, не знаю. Из особняка Локка. Из Вермонта. Бросить все это.

Повисло недолгое молчание, за которое я поняла сразу две вещи. Во-первых, я ни разу не спрашивала Джейн, не хочется ли ей домой; а во-вторых, теперь, когда моего отца и, следовательно, ее еженедельного жалования не стало, ничто уже не держало ее здесь. Меня охватила паника, дыхание участилось. Неужели я потеряю и Джейн? Неужели останусь одна? И как скоро это произойдет?

Джейн осторожно выдохнула.

– Я скучаю по дому… Не передать словами, как сильно. Я думаю о нем каждую секунду. Но я тебя не брошу, Январри. – Между нами повисло призрачное недосказанное «пока что» – или, может, «пока не». Мне хотелось разрыдаться, вцепиться в ее юбку и умолять, чтобы она не уезжала. Или чтобы позволила мне поехать с ней.

Джейн спасла нас обеих от неловкости, спросив непринужденным тоном:

– А ты сама-то хочешь уехать?

Я сглотнула, отложив свой страх до более подходящего момента, когда мне хватит сил взглянуть ему в глаза.

– Да, – ответила я и тут же поняла, что это правда. Мне хотелось широких горизонтов, изношенных ботинок и незнакомых созвездий, загадочно кружащихся надо мной в ночи. Мне хотелось опасностей, тайн и приключений. По стопам отца? – О да.

Мне подумалось, что я всегда этого хотела, с тех самых пор, когда еще была маленькой девочкой, записывающей истории в карманный дневник. Но, повзрослев, я забросила эти мечты. Вот только оказалось, что на самом деле я их не забросила, а просто забыла, и они опали на дно моей души сухими листьями. А потом мне в руки попали «Десять тысяч дверей», и листья снова поднялись в воздух в вихре несбыточных грез.

Джейн ничего не сказала.

Впрочем, что тут скажешь? Мы обе знали, как маловероятно, что я когда-нибудь покину особняк Локка. Сироткам с кожей странного цвета трудно выжить без денег и перспектив, даже если они «совершенно уникальные экземпляры». Теперь, когда моего отца не стало, мистер Локк был моим единственным прибежищем и опорой. Возможно, он сжалится надо мной и наймет секретаршей или машинисткой в свою фирму, где я постепенно превращусь в тусклую серую мышь, буду носить очки с толстыми стеклами, а мои руки будут вечно запачканы чернилами. Может, он позволит мне и дальше жить в моей бесцветной комнатке, пока я не постарею и не истаю, став призраком особняка, пугающим гостей.

Через какое-то время я услышала шелест – это Джейн продолжила переворачивать страницы «Тома Свифта среди добытчиков алмазов». Я снова уставилась в небо и попыталась не думать о приключениях, которых у меня никогда не будет; об отце, которого я никогда больше не увижу; и о холодной темноте, которая все еще окутывала меня, делая летнее солнце бледным и бесцветным. Я постаралась не думать вообще ни о чем.

Не знаю, была ли на свете семнадцатилетняя девушка, которой бы сильнее, чем мне, не хотелось идти на роскошную вечеринку.

Я простояла у входа в гостиную несколько минут, а может, и целую вечность, уговаривая себя повернуть за угол, где меня ждет химическое облако из запахов помады для волос и парфюма. Прислуга с сияющими подносами кружила среди гостей, предлагая им бокалы шампанского и аппетитные с виду канапе. Мне ничего не предлагали, только обходили, как вазу, оставленную кем-то посреди дороги, или неудачно поставленную лампу.

Я глубоко вдохнула, вытерла потную ладонь о шерсть Бада и проскользнула в гостиную.

Не стану драматизировать, утверждая, что все присутствующие замерли и в комнате установилась тишина, как происходило в моих любимых книгах, когда в зал входила принцесса. Но все же мне показалось, будто вместе со мной в гостиную ворвался ветерок, заставивший окружающих слегка притихнуть, оборвав разговор на полуслове, повернуться ко мне с приподнятыми бровями и покривить губы.

Может, они уставились на Бада, который с напряженным и угрюмым видом стоял рядом со мной. По-хорошему, ему до скончания века запретили появляться на общественных мероприятиях, но я была почти уверена: Локк не станет устраивать скандал при свидетелях, да и Бад вряд ли искусает кого-нибудь так сильно, чтобы потребовались швы. В любом случае я сомневалась, что нашла бы в себе силы выйти из комнаты без него.

Или, может, они смотрели на меня саму. Все они видели меня и раньше, вечно таскающуюся хвостиком за Локком на каждом собрании Общества и рождественских банкетах. Иногда меня не замечали, иногда со мной сюсюкали. «Что за чудесное платьице у вас, мисс Январри! – щебетали они тоном, который присущ исключительно богатым банкирским женам. – О, ну разве не прелесть! Так где, говорите, вы ее нашли, Корнелиус? На Занзибаре?» Но тогда я была маленькой девочкой – безобидным «пограничным явлением», которое наряжали в кукольные платья и приучали всегда отвечать вежливо.

Теперь я уже не была маленькой, и очарование рассеялось. За зиму я претерпела все эти загадочные магические преобразования, которые резко превращают детей в неловких взрослых: стала выше, растеряла мягкость и доверие к людям. Мое лицо в зеркалах с золотыми рамами казалось мне пустым и чужим.

И еще теперь на мне были подарки мистера Локка: длинные шелковые перчатки, розоватый жемчуг в несколько рядов и шифоновое платье с драпировкой, в котором сочетались цвет слоновой кости и розовый и которое было столь очевидно дорогим, что некоторые женщины потрясенно смотрели на меня, мысленно подсчитывая вероятную стоимость наряда. К тому же на этот раз я покорно вступила в схватку со своими волосами, которые приручались лишь с помощью горячей расчески в сочетании с «Великолепным бальзамом мадам Уолкер». У меня до сих пор пощипывало кожу головы.

Постепенно разговоры вновь ожили, хоть и с некоторой неловкостью. Ко мне решительно поворачивались спиной, кружевные веера раскрывались, как щиты, призванные защитить их обладательниц от меня, словно от опасного чужака. Мы с Бадом обошли их и, заняв место в нашем обычном углу, стали напоминать странные разномастные манекены. Гости любезно игнорировали нас, так что я смогла спокойно прислониться к стене, оттягивая слишком плотно застегнутые пуговицы платья и наблюдая за блестящей толпой.

Празднество, как всегда, впечатляло. Слуги до блеска отчистили все лампы и подсвечники, так что вся комната наполнилась золотым светом, исходящим из ниоткуда, а паркет до того натерли воском, что он начал представлять нешуточную угрозу для жизни. В огромных глазурованных вазах красовались пионы, а узкое пространство между двумя ассирийскими статуями занимал небольшой оркестр. Все псевдоаристократы Новой Англии красовались и сверкали друг перед другом, многократно отраженные в мерцающей глади зеркал.

В толпе были и мои ровесницы. Их щеки розовели, на головах покачивались идеальные шелковистые локоны, а взгляды с надеждой метались по залу (перед ежегодной вечеринкой местная газета обязательно публиковала список самых завидных холостяков и предполагаемый размер их состояния в рубрике светской хроники). Я представила, как эти девушки много недель строят планы и придумывают разные ухищрения, ездят с матерями по магазинам в поисках подходящего платья, несколько раз меняют прическу, сидя перед зеркалом. И вот они здесь, в сиянии своих надежд и привилегий, и варианты прекрасного будущего проплывают перед ними в золоченом строю.

Я их ненавидела. Точнее, ненавидела бы, если бы бесформенная тьма не окутывала меня, приглушая ненависть до тусклой неприязни.

Над толпой пронеслось звонкое «дзинь-дзинь-дзинь», и все разом повернули головы, как красиво причесанные марионетки. Мистер Локк стоял под самой большой люстрой и стучал десертной ложечкой по своему кубку, требуя внимания. Не то чтобы это было необходимо: на него и так всегда смотрели и слушали его, будто он генерировал собственное магнитное поле.

Оркестр умолк посреди менуэта. Локк вскинул руки в добродушном приветственном жесте.

– Дамы, господа, достопочтенные члены Общества, позвольте мне для начала поблагодарить вас за то, что вы пришли и выпили все мое лучшее шампанское. – Раздался смех, подгоняемый золотистыми пузырьками. – Разумеется, мы собрались здесь, чтобы отметить сорок восьмой день рождения Археологического общества Новой Англии, маленькой группы ученых-любителей, которые – уж простите мне эти самонадеянные слова – делают все, чтобы внести свой вклад в благородное дело развития человеческого знания. – Покорный всплеск аплодисментов. – Но у нас есть и другой, гораздо более

значительный повод для праздника: прогресс самого человечества. Поскольку, вне всякого сомнения, собравшиеся здесь люди являются одновременно свидетелями и распорядителями новой эры мира и благосостояния от полюса до полюса. Каждый год мы видим, как идут на спад войны и конфликты, растет производство и процветает порядочность, а цивилизованные правительства берут под свое крыло тех, кому повезло меньше других.

Я слышала все это так много раз, что могла бы произнести остаток этой речи: как труд и самоотверженность таких людей, как они, – богатых, могущественных и белых – улучшили условия жизни всего человечества; как девятнадцатый век был полон хаоса и беспорядка и как двадцатый обещал порядок и стабильность; как смуту искоренят повсеместно – и в нашей стране, и за ее пределами; как дикарям несут свет цивилизации.

Однажды, будучи еще маленькой, я сказала отцу: «Смотри, чтобы дикари на тебя не напали». Он как раз собирался уезжать. В руке у него был потертый саквояж, на ссутуленных плечах висело бесформенное бурое пальто. Отец ответил мне короткой полуулыбкой. «Со мной ничего не случится, – сказал он, – да и нет на самом деле никаких дикарей». Я могла бы возразить, что мистер Локк и несколько тонн приключенческой литературы с ним не согласятся, но промолчала. Он погладил меня по щеке костяшками пальцев и исчез. Уже в который раз.

«А теперь он исчез навсегда». Я закрыла глаза и почувствовала, как холодная темнота еще плотнее обхватывает меня.

В это мгновение я вздрогнула, услышав свое имя.

– …Взять хотя бы мою мисс Январри – вот вам доказательство! – прогремел бодрый голос мистера Локка.

Я резко распахнула веки.

– Она попала в этот дом крошечным свертком, без матери, без гроша за душой; бедная сирота загадочного происхождения. А теперь – только посмотрите на нее!

Они и так уже смотрели. По толпе прокатилась рябь, и лица цвета слоновой кости обратились на меня. Их взгляды, словно пальцы, ощупывали каждый шов и каждую жемчужину. На что он предлагает им посмотреть? У меня по-прежнему не было ни матери, ни гроша за душой. А теперь еще и отца.

Я вжалась спиной в деревянную обшивку стены, мечтая, чтобы все поскорее закончилось, чтобы мистер Локк договорил свою речь, оркестр снова заиграл и все забыли обо мне.

Локк повелительным жестом поманил меня к себе.

– Не стесняйся, девочка моя.

Я не двинулась с места. Мои глаза широко распахнулись от ужаса, а сердце выбивало бешеный ритм: о нет, о нет, о нет. Я представила, как бегу прочь, расталкивая гостей, и вырываюсь на лужайку перед домом.

Но потом я взглянула в сияющее от гордости лицо мистера Локка. Вспомнила тепло его крепких объятий, доброжелательный рокот его голоса, подарки, которые он молча оставлял для меня в Зале фараонов на протяжении стольких лет.

Я сглотнула, оттолкнулась от стены и на ставших вдруг тяжелыми и негнущимися ногах пошла сквозь толпу. Шепот следовал за мной по пятам. Когти Бада чересчур громко клацали по начищенному полу.

Стоило мне приблизиться, и мистер Локк положил руку мне на плечо и прижал меня к своему боку.

– Вот, полюбуйтесь! Образец благовоспитанности. Доказательство силы положительного влияния. – Он ободряюще тряхнул меня за плечи.

Правда ли, что женщины могут упасть в обморок, или это выдумки из низкосортных викторианских романов и вечерних пятничных кинопоказов? Или, может, дамы просто специально подстраивали свой обморок, чтобы хоть ненадолго отложить необходимость слышать, видеть и чувствовать. Я их прекрасно понимала.

– …довольно об этом. Спасибо всем, что потерпели мой стариковский оптимизм и энтузиазм, но, как я слышал, мы собрались здесь, чтобы повеселиться.

Он поднял бокал – свою любимую чашу из полупрозрачного зеленого нефрита. Может, ее привез мой отец? Украл из какой-нибудь гробницы или храма, засыпал опилками и отправил через весь земной шар, чтобы теперь ее сжимала эта квадратная белая рука?

– За мир и благосостояние. За будущее, которое мы построим!

Я осмелилась поднять взгляд на окружавшие нас бледные потные лица. Бокалы сверкали, точно призмы, пропускающие через себя свет люстры, а гул аплодисментов накатил на меня и разбился, как морская волна о берег.

Мистер Локк убрал руку с моего плеча и произнес намного тише:

– Вот умница. Я попрошу тебя явиться к нам в восточную курильную комнату в половине одиннадцатого. Хочу вручить тебе подарок в честь дня рождения. – На слове «нам» он лениво повел пальцем, изображая круг, и я поняла, что вокруг него, словно мотыльки, переодетые в костюмы, собрались члены Общества. В их числе был и мистер Хавермайер, который смотрел на меня, положив руки в кожаных перчатках на трость. На его лице я увидела вежливое выражение отвращения. Ладонью я почувствовала, как шерсть на загривке у Бада встает дыбом. Он издал тихое низкое рычание, напоминавшее глубокое подводное землетрясение.

Я развернулась и бросилась прочь, не разбирая дороги. Я хотела вернуться в наш безопасный укромный уголок, но никак не могла найти его. Толпа клубилась в беспорядочном головокружительном вихре, лица людей скалились на меня, их улыбки казались слишком широкими. Что-то изменилось. Речь Локка вытащила меня в центр внимания, как медлительного слона, которого загоняют на арену цирка. Меня коснулись чьи-то пальцы в перчатках, раздался искристый, заливистый смех. Кто-то потянул меня за обожженные пришпиленные к голове волосы.

Мужской голос прямо над моим ухом:

– Мисс Январри, верно?

Надо мной нависло белое до синевы лицо. Светлые волосы были гладко прилизаны, на рукавах сверкали золотые запонки.

– Что это за имя такое – Январри?

– Мое, – процедила я.

Однажды я спросила отца, почему меня назвали в честь месяца – тем более такого мертвого, промерзшего месяца, как будто на свете не нашлось более обычного имени. «Это хорошее имя», – ответил отец. Я продолжила настаивать, и он добавил: «Твоей маме оно нравилось. Нравился его смысл».

(Только смысла в нем можно даже не искать. Вот что написано в словаре Вебстера: «Январь – первый месяц года, содержит тридцать один день, от лат. Januarius, фр. Janus, в честь древнеримского божества». Как познавательно.)

– Ну-ну, зачем так грубо? Прогуляетесь со мной на улицу? – ухмыльнулся мальчишка.

Я не слишком-то много общалась со своими ровесниками, но прочитала достаточно школьных рассказов, чтобы знать: джентльменам не положено гулять наедине с юными леди жаркими летними ночами. С другой стороны, я ведь и не леди, верно?

– Нет, спасибо, – ответила я.

Он ошеломленно уставился на меня. Это было выражение лица мужчины, который, вероятно, слышал о существовании слова «нет», но сам никогда его не встречал.

Потом он наклонился ближе, протягивая влажную руку к моему локтю.

– Ну же, идем…

Между нами вдруг возник серебряный поднос с шампанским. Низкий голос недоброжелательно произнес:

– Позвольте предложить вам напиток, сэр.

Это был Сэмюэль Заппиа, одетый в аккуратную форму нанятого официанта.

За прошедшие два года мы с ним почти не виделись – главным образом потому, что красная повозка «Продуктовой лавки Заппиа» сменилась скромным черным грузовичком с закрытой кабиной, и я больше не могла махать Сэмюэлю из окна кабинета. Пару раз мы с мистером Локком проезжали мимо лавки, и я лишь краем глаза видела Сэмюэля у задней двери, выгружающего мешки с мукой из грузовика и глядящего в сторону озера с отсутствующим, мечтательным видом. Продолжал ли он выписывать «Сокровищницу историй» или давно забросил свои детские фантазии?

Теперь я увидела его ясно и четко, как будто линза фотокамеры наконец сфокусировалась на нем. Его кожа по-прежнему была этого золотисто-смуглого цвета, который по какой-то неведомой причине называют оливковым; глаза оставались все такими же черными и блестящими, как отшлифованный сланец.

Сейчас немигающий взгляд этих глаз был устремлен прямо на светловолосого юношу. Брови приподнялись, неискренне изображая вежливый вопрос. В этом взгляде читалось нечто пугающее и настолько непокорное, что юноша отшатнулся. Он возмущенно уставился на Сэмюэля, изображая из себя оскорбленного аристократа. Обычно это заставляло слуг мгновенно рассыпаться в извинениях.

Но Сэмюэль не пошевелился. Его глаза азартно заблестели, как будто он даже надеялся, что юноша попытается отчитать его. Я невольно обратила внимание на то, как накрахмаленный сюртук обтягивает плечи Сэмюэля, каким жилистым кажется его запястье, удерживающее тяжелый поднос. Рядом с ним светловолосый джентльмен выглядел бледным и хлипким, как тесто, которое еще не поднялось. Он отвернулся, скривив тонкие губы, и ретировался под защиту своих товарищей.

Сэмюэль плавно повернулся ко мне, приподнимая сияющий золотом бокал.

– Тогда, может, именинница выпьет? – Выражение его лица ничего не выдавало.

«Он не забыл про мой день рождения». Платье вдруг показалось мне колючим и жарким.

– Спасибо. Э-эм, за то, что выручил меня.

– О, я вовсе не вас выручал, мисс Сколлер. Я спасал этого беднягу от опасного зверя. – Он кивком указал на Бада, который все еще следил за джентльменом, оскалив зубы и ощетинившись.

– А.

Молчание. Мне хотелось оказаться за тысячу миль отсюда. Превратиться в желтоволосую девочку по имени Анна или Элизабет, которая смеется, как заводная птичка, и всегда знает, что сказать.

В уголках глаз Сэмюэля появились веселые морщинки. Он сложил мои пальцы вокруг ножки бокала. Его руки были сухими и по-летнему теплыми.

– Возможно, это поможет, – сказал он и снова скрылся в толпе.

Я проглотила шампанское так быстро, что пузырьки зашипели где-то в носу. Пробираясь через гостиную, я совершила налеты на еще несколько подносов, и к тому моменту, как я добралась до курильной комнаты, мне пришлось очень внимательно следить за тем, куда я ставлю ноги. Я старалась не замечать, как цвета растекаются и расплескиваются по краю моего поля зрения. Моя черная вуаль – то самое невидимое холодное Нечто, обвивавшее меня весь день, – начала мерцать и искажаться.

Я глубоко вздохнула, остановившись у двери.

– Готов, Бад?

Пес тоже вздохнул по-собачьи.

Мне сразу бросилось в глаза то, что комната как будто стала меньше с тех пор, как я в последний раз в нее заходила. С другой стороны, я ни разу не видела, как в нее набивается больше десятка человек, коронованных синеватым дымом

и ведущих беседы низкими рокочущими голосами. Я тут же поняла, что попала на одно из тех крайне важных закрытых собраний, на которые меня никогда не пускали; тех ночных встреч за выпивкой, на которых принимались важные решения. Казалось бы, это должно было мне польстить, однако я почему-то почувствовала горький привкус во рту.

Бад чихнул от сигарного дыма и запаха кожаной обивки, и мистер Локк повернулся к нам.

– Ты пришла, моя девочка. Проходи, присаживайся. – Он указал на кресло с высокой спинкой, стоящее в центре комнаты, вокруг которого расположились члены Общества, будто позируя для группового портрета. Здесь был и Хавермайер, и похожий на хорька Илвейн, и другие, кого я запомнила с прошлых вечеринок и посещений: дама с алыми губами и черной лентой на шее; моложавый господин с жадной ухмылкой; седовласый господин с длинными крючковатыми ногтями. Во всех этих людях было что-то таинственное. Они напоминали хищников, крадущихся в высокой траве.

Я села на краешек кресла, чувствуя себя загнанной добычей.

Рука мистера Локка уже во второй раз за этот вечер легла мне на плечо.

– Мы пригласили тебя сюда, чтобы сделать небольшое объявление. После длительного обдумывания и обсуждения мы с коллегами решили, что хотим предложить нечто редкое и престижное. Это весьма необычно, но мы решили, что твое… м-м… уникальное положение дает нам такое право. Январри, – театральная пауза, – мы предлагаем тебе официально вступить в наше Общество.

Я моргнула и уставилась на него. Так вот, значит, что за подарок? Может, я должна была обрадоваться. Может, мистер Локк знал, что в детстве я мечтала вступить в его дурацкое Общество и носиться по всему свету в поисках приключений и редких артефактов особой ценности. Интересно, хотел ли мой отец стать членом Общества?

Горький привкус вернулся, а с ним появилось еще какое-то чувство. Оно жгло язык, как тлеющий уголек. Я заставила себя проглотить его.

– Спасибо, сэр.

Мистер Локк дважды похлопал меня ладонью по плечу в качестве поздравления и пустился в очередную речь о том, что мне предстоит официальная процедура вступления в Общество, что есть особые ритуалы, что нужно будет принести присягу в присутствии Основателя (как раздулась от гордости эта заглавная «О»!), но я уже не слушала. Жгучее чувство во рту все усиливалось, щипало язык, и моя невидимая вуаль осыпалась вокруг пеплом и золой. Со всех сторон меня обдавало пульсирующим жаром.

– Спасибо, – перебила я его ровным невыразительным голосом, в изумлении слушая себя словно со стороны. – Но, боюсь, я вынуждена отклонить приглашение.

Тишина.

«Будь хорошей девочкой, знай свое место», – шипел у меня в голове голос, у которого были серебряные глаза, но алкоголь в крови заглушал его.

– Да с чего бы мне вступать в ваше Общество? Кучка капризных старых аристократов, которые платят более смелым и достойным людям, чтобы те мотались по всему свету и крали для вас разные вещицы. А если один из них исчезнет, вы даже не попытаетесь сделать вид, что скорбите о нем. Вы спокойно живете дальше… Как будто ничего… Как будто он ничего не значил… – Я осеклась, тяжело дыша.

Ты не замечаешь, как много звуков издает сам дом – тиканье напольных часов, вздохи летнего ветерка, который касается окон, скрип половиц под сотнями пар дорогой обуви, – пока однажды комната не погрузится в молчание, потому что ты шокировала всех своими словами. Я сжала ошейник Бада, как будто это его нужно было усмирить.

Рука мистера Локка стиснула мое плечо, а его великодушная улыбка стала вымученной и болезненной.

– Извинись, – выдохнул он.

Я сцепила зубы. Маленькая частичка меня – хорошая девочка мистера Локка – та, что никогда не жаловалась, знала свое место и улыбалась, улыбалась, улыбалась, – хотела кинуться ему в ноги и умолять о прощении. Но вся остальная предпочла бы умереть, но не извиниться.

Локк встретился со мной взглядом. Холодные стальные глаза прижались к моему лицу, как замерзшие руки…

– Извините, – выплюнула я. Один из членов Общества издал презрительный смешок.

Мистер Локк с трудом разжал зубы.

– Январри. Археологическое общество – это очень старое, могущественное и престижное…

– О да, очень престижное, – огрызнулась я. – Слишком престижное для того, чтобы принять людей вроде моего отца, сколько бы хлама он вам ни притащил, сколько бы денег вы ни заработали, распродавая все это на тайных аукционах. Значит, моя кожа достаточно светлая, чтобы меня приняли? Где-нибудь есть таблица, чтобы свериться? – Я оскалилась. – Может, когда я умру, кто-нибудь из вас заберет мой череп в свою коллекцию в качестве отсутствующего звена.

На этот раз тишина была абсолютной. Оскорбленно молчали даже напольные часы.

– Похоже, вы вырастили маленькую бунтарку, Корнелиус. – Это был мистер Хавермайер. Он смотрел на меня со злобной улыбкой и крутил незажженную сигару пальцами в перчатке. – Мы ведь вас предупреждали.

Я услышала, как мистер Локк вдохнул – я не знала, планирует ли он защищать меня или ругать, но мне было уже все равно. Мне надоело это, надоели они все, надоело быть хорошей девочкой, знать свое место и благодарить их за каждую кроху, которую мне бросали.

Я встала, чувствуя, как в голове тошнотворно искрится шампанское.

– Спасибо вам, господа, за подарок ко дню рождения. – С этими словами я развернулась и вышла через двери из темного мореного дерева. Бад последовал за мной.

Толпа успела стать еще более взмокшей, шумной и пьяной. Я словно застряла в картине Тулуз-Лотрека: зеленоватые лица с жуткими выражениями кружили возле меня. Мне хотелось, чтобы Бад накинулся на них во всем великолепии своих острых зубов и бронзовой шерсти. Мне хотелось кричать, пока не охрипну.

Мне хотелось нарисовать в воздухе дверь, которая ведет куда-нибудь в другое место, и пройти через нее.

Серебряный поднос вновь материализовался рядом со мной. Теплый шепот коснулся моей шеи.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Мечтатель (итал.).

2

Ранее ученые достигли успехов в сборе и документировании подобных историй, но совершили ошибку, не поверив в них, и таким образом упустили единственный артефакт, связующий воедино каждый миф: дверь.

См. Джеймс Фрэзер. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Второе издание (Лондон: Макмиллан и Ко. Лимитед, 1900).

3

Сипаи – наемные солдаты в колониальной Индии, рекрутировавшиеся европейскими колонизаторами. – Примеч. ред.

4

Ученые утверждают (Клаус Бергнон, «Эссе о судьбе и праве крови в средневековой литературе», отправленное Американскому антикварному обществу, 1872), что значимость кровных уз и происхождения является повторяющимся мотивом во многих сказках, мифах и легендах.

5

Эта теория – описанная во введении как положение III – основана на десятилетиях полевых исследований, но также находит косвенное подтверждение в многочисленных работах западных ученых.

Взять, к примеру, «Историю Монгалов», высоко оцененный источник, касающийся ранних исследований европейцев и описывающий путешествие Джованни Плано Карпини к монгольскому двору в 1240-х годах. Карпини утверждает, что несколькими десятилетиями ранее в татарском государстве произошли огромные перемены, которым невозможно дать никакого разумного

объяснения. Он записал распространенный монгольский миф о том, как в детстве Великий Хан исчез на какое-то время. Он прошел через проклятую дверь в пещере и не возвращался семь лет. Карпини предположил, что тот провел это время «в чужом мире» и вернулся с некой жуткой мудростью, позволившей ему завоевать Азию.

Вполне вероятно, что человек не может пройти через дверь и вернуться обратно, не изменив при этом мир.

Купить: https://tellnovel.com/harrou_aliks-e/desyat-tysyach-dverey

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити